

Любовница
ПОНЕВОЛЕ
Марина Эльденберт

18+

Марина Эльденберт
Любовница поневоле.
Авторская версия
Серия «Вервольфы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51928055

Альфа-книга; 2024

Аннотация

Люди и вервольфы живут на разных полюсах. За брак с человеческой женщиной могут изгнать из стаи, после брака с вервольфом твоя жизнь перевернется с ног на голову, вот только об этом не думаешь, когда любишь. Теперь мой муж мертв, а его долг возложен на меня. Долг, который приведет меня к мужчине, которому я отказала. И который до сих пор желает видеть меня своей.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	31
Глава 3	68
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Марина Эльденберт

Любовница поневоле.

Авторская версия

Пролог

Я вытолкнула себя из душной комнаты на пустынную веранду. Стекланные створки дверей бесшумно захлопнулись, приглушая звуки музыки и смеха: очередная вечеринка была в самом разгаре, а мне захотелось отдохнуть от этого шума.

Я с наслаждением вдохнула прохладный воздух, завернула за угол, и забралась на мраморные перила. Уверена, мало кому сейчас пришло бы в голову сидеть на мраморе и рассматривать увядающий сад. Поздней осенью веранда оставалась не востребованной, даже в изящной пепельнице было всего два окурка.

Я не курила. Однажды попыталась, но потом чуть задохнулась и решила, что это не мое. Я вообще гордилась тем, что сразу могу понять, что мое, а что не мое. Вот сидеть на мраморе и рассматривать полную луну вместе со звездами – это мое. Здесь, за городом, они ярче и ближе. А шумные вечеринки до утра – совсем не мое.

Я неправильная студентка. Всем нравятся вечеринки, Дэнвер их очень любит. А я люблю Дэнвера, поэтому и хожу на вечеринки вместе с ним. Хотя по большому счету мне все равно куда мы отправимся вместе. Когда мы танцуем, когда он прижимает меня к своей груди или кладет ладонь мне на талию, притягивая к себе, мне плевать абсолютно на все. Какие там вечеринки!

Мы с Дэнвером разные. Я – человек, он – вервольф. Я люблю почитать в одиночестве, он не может существовать без общения. Занятия по физической подготовке мною приравниваются к пыткам, и я безумно благодарна маме за генстройности, а Дэн не начинает свой день без силовых тренировок. Я предпочитаю решать все путем переговоров, Дэнверу только дай с кем-нибудь подраться.

Он будто дополняет меня, а я дополняю его.

Наверное, поэтому я приняла предложение Дэнвера. Я выуживаю цепочку, спрятанную под блузкой, и вытаскиваю кольцо. Камень сияет ярче звезд, и в очередной раз заставляет меня им любоваться. Необычайно красиво. Но даже будь оно медным ободком, осталась бы таким же прекрасным. Потому что оно особенное.

Символ нашей любви.

Наша тайная помолвка.

Музыка то громче, то тише, наверное, поэтому я не улавливаю мгновения, когда двери на веранду снова открываются, но сейчас осознаю, что уже не одна. Конечно, можно

предложить, что кто-то все-таки решился покурить на холоде, но так тихо ходят только вервольфы. А я не встречала еще ни одного дымящего вервольфа: для этого у них слишком чувствительное обоняние.

Я почти не сомневаюсь, кто за моей спиной. Здесь меня искать мог только один мужчина. И только один мужчина может подходить ко мне так близко. Я почти касаюсь плечом его пиджака.

– Соскучился? – интересуюсь я.

– Очень, – выдыхает он хрипло, дыханием касаясь моего уха, а меня прошибает холодный пот.

Потому что мужчина за моей спиной совсем не мой же-
них.

Это Доминик Экрот.

Я вздрагиваю, отшатываюсь и теряю равновесие. Внизу острые ветки облетевших кустов, но рывок вверх возвращает меня на веранду. Правда я тут же оказываюсь зажата холодным мрамором с одной стороны и лучшим другом Дэнвера с другой. Последний тоже напоминает камень, разве что живой и горячий. Только этот жар нестерпимо обжигает, хочется как можно скорее отодвинуться от него.

– Осторожнее, Шарлин. Иначе я подумаю, что ты только при звуках моего голоса готова упасть к моим ногам.

– Нет, это я решила в кусты прыгнуть, от тебя подальше.

В светло-карих глазах появляется, заметный даже в полутьме, золотистый блеск – готовность перейти в другую ипо-

стась, а тонкие, словно выточенные губы, упрямо сжимаются.

Доминик высокий, мощный и красивый. Впрочем, как все вервольфы. Разве что большинство из них брюнеты, а его волосы цвета темного меда с вкраплениями золотых нитей. Но не только внешность отличает его от Дэнвера.

Он молчаливый.

Он загадочный.

И пугающий.

– Значит, не стоило тебя спасать? – В голос Доминика добавляются рычащие ноты, будто острыми когтями проводят по шелку.

– Не стоило идти за мной.

– Мне захотелось.

– Не всегда получаешь то, что хочешь.

– Не в моем случае, Шарлин.

Он единственный, кто так произносит мое имя. Будто это самая откровенная и непристойная пошлость.

– Отпусти меня.

– Не хочу.

У меня мурашки по коже, и вовсе не от возбуждения, как это бывает с Дэнвером. Я в секунду почувствовала себя так, будто повстречала на узкой тропе опасного хищника, а помощи ждать неоткуда.

– Доминик, – показываю ему кольцо на цепочке.

Это срабатывает: мужчина от меня резко отстраняет-

ся. Правда, загораживает двери, отсекая возможность проскользнуть мимо него обратно в дом.

– Он все-таки сделал предложение?

– Да. Пока это тайна.

– Его родители будут в бешенстве.

Мои тоже не сильно обрадуются. Браки между вервольфами и людьми не запрещены законом, но большая редкость. На то много причин, но ни одна из них не преграда для нас с Дэном.

– Поэтому мы и хотим сначала пожениться, а потом рассказать об этом.

– Это будет ошибкой.

Он говорит это так уверенно, что я сжимаю кулаки.

– Тоже считаешь, что я не пара вервольфу?

– Нет, я считаю, что Дэн тебе не подходит.

– А кто подходит?

– Я.

Такого ответа я даже не ждала. Потому что за те несколько месяцев, что я знакома с Домиником, мы только и делали, что тренировались на друг друга в язвительности. Ни о какой симпатии и речи не шло. Каждый раз, когда он на меня смотрел, я ловила в его взгляде высокомерную снисходительность.

А теперь он говорит, что я ему... Подхожу?

– Я люблю Дэнера, – произношу четко.

– Разумеется, – Доминик приподнимает брови. – Ты бу-

дешь отличной любовницей, Шарлин. Постоянной, конечно же.

Если можно оскорбить сильнее, то я даже не представляла как. Мои щеки вспыхивают так, что прохлада осенней ночи ощущается так, будто я прислонилась к льдине.

– Стоит родителям Дэна узнать, что он женился на тебе, они быстро отрубят ему все семейные кормушки. Вы уже не сможет жить с размахом, как раньше, – он кивает на дом, – не будет всех этих вечеринок. Не будет всех тех подарков, которые ты от него получаешь.

Я не успеваю ответить, что в задницу подарки, Доминик едва уловимым, плавным движением перетекает ко мне.

– Хорошо подумай, Шарлин. Я предлагаю тебе жизнь, похожую на рай. Тебе не придется ни о чем беспокоиться.

– А взамен нужно с тобой трахаться...

Неожиданно его указательный палец прижимается к моим губам.

– Тсс, не груби. Хотя если тебя это заводит, я согласен сделать исключение.

Это прикосновение настолько беспардонное, что я просто задыхаюсь от бешенства. Особенно, когда его ладонь соскальзывает на мою шею.

– Я лучше его, Шарлин. Одна ночь со мной тебе это покажет.

– Я никогда не буду с тобой! – с отвращением выплевываю я. – Ни за деньги, ни просто так!

Я оказываюсь прижата к груди вервольфа раньше, чем успеваю сделать следующий вдох. Он сжимает меня так сильно, что кажется, вот-вот раздавит, уничтожит одним только своим присутствием. Или взглядом, который уже всю горит желтизной, а на гладковыбритом подбородке проступает «волчья щетина». Уверена, если посмотрю на его руки, то увижу когти, но смотреть вниз мне совсем не хочется, и так чувствую, насколько сильно Доминик хочет меня.

– Поосторожнее с обещаниями, Шарлин, – рычит он. – Может случиться так, что ты передумаешь и сама ко мне прибежишь.

– Никогда!

Его рот запечатывает мой грубым поцелуем, и у меня темнеет перед глазами. От недостатка воздуха, от потери свободы. От той тьмы, которая плещется в нем.

Но, прежде чем я успеваю упасть в эту яму, Доминик отстраняется так же быстро, открывая моему взгляду Дэнвера.

– Что это значит?

Я еще не разу не видела глаза своего жениха настолько яркими, он так сильно зол, что даже я понимаю, что он почти сдерживается от трансформации. А вот Доминик, напротив, привычно невозмутим. От его ярости не остается и следа.

– Мы просто разговаривали, – говорит он.

– Я думал, что это называется по-другому.

Я бросаюсь к Дэну, обхватываю его шею руками и плевать, как это выглядит со стороны.

– Пожалуйста, давай уйдем отсюда, – прошу его.

Теперь уже Доминик не кажется мне пугающим, он кажется мне опасным. Настолько опасным, как бездонные провалы звериных зрачков. Мне становится по-настоящему страшно, потому что исходящую от Дэнвера злость я ощущаю всей кожей. Так же, как ленивое, расслабленное спокойствие, которое излучает Доминик. Спокойствие зверя перед броском.

– Сначала я покажу одному вервольфу, что не нужно разевать пасть на чужую женщину.

Дэн отставляет меня в сторону, сжимая и разжимая кулаки. Но Доминик и бровью не ведет.

– Если ударишь, наша договоренность потеряет силу, – предупреждает он.

Дэнвер будто натывается на невидимую преграду, колеблется лишь секунду, а затем переплетает наши пальцы и, злобно сверкнув взглядом в сторону друга, тянет меня в дом.

– Дэн, о чем он говорил? Что имел в виду?

– Не бери в голову, милая. Это наши общие дела.

– Которые меня не касаются? – выпалила я и ускорила шаг.

Все, хватит с меня вечеринок!

Дэнвер догоняет меня на крыльце, захватив наши пальто. Его уже отпустило, и это снова мой оптимистичный Дэн.

– Чар, ты все не так поняла. Мы... видимо, оба все не так поняли. Не знаю, что нашло на Доминика, но на него дей-

ствительно можно положиться. У него есть связи... в особых кругах, он может решить любую проблему. В том числе, связанную с нами.

– О чем ты?

– Доминик очень богат, и он не зависит от родителей.

Я холодею, хотя куда уж больше.

– Пожалуйста, Дэнвер, не нужно брать у него деньги. Не связывайся с ним. Он очень плохой человек.

– Вервольф, – поправляет он меня.

– Да, вервольф.

Мы молчим по пути в квартиру Дэна. Он ведет машину, а я вглядываюсь в темный лес, по обе стороны от дороги. Как никогда я чувствую пропасть между нами, и впервые мне становится так страшно.

– Вдруг ничего не получится?

– Что? – непонимающе смотрит на меня жених.

– Я про нас.

Видимо, что-то в моем голосе заставляет Дэнвера съехать с обочины и остановить машину.

– Глупости, Чар. Я люблю тебя, а ты меня. Это самое важное. Мои родители терпеть друг друга не могут, и только отравляют жизнь себе и нам с братьями. Я хочу, чтобы у нас все было по-другому. Мне никто не нужен, кроме тебя.

На душе теплеет, и я слабо улыбаюсь.

– И только смерть разлучит нас, – добавляет он шутливо.

– Не говори таких страшных слов, Дэнвер. У меня мураш-

ки по коже.

Мой жених только смеется.

– Чар, это же устойчивое выражение. Литературное, между прочим. Кто из нас двоих учится на литературном, а?

Мне не смешно. Я подаюсь к нему и целую. Так отчаянно, как, пожалуй, никогда еще не целовала. Будто пытаюсь стереть все плохое между нами, а еще забыть и проклятого Доминика с его поцелуем и словами про то, что у нас Дэн-вером нет будущего.

– Я не хочу с тобой разлучаться, – шепчу ему.

– Значит, никуда я от тебя не денусь.

– Обещаешь?

– Клянусь!

На этот раз Дэн меня целует, а я крепко прижимаюсь к нему. В эту минуту я действительно верю, что мы не расстанемся никогда.

Глава 1

Четыре года спустя

– Дэнвер, не порть все то хорошее, что между нами было. А оно было, пусть даже после все пошло под откос. Я говорила, что виноват ты, но это неправда, мы оба накосячили. Я, наверное, слишком многого от тебя требовала, да и от себя тоже... Но сейчас все изменилось, и нас ничего больше не связывает кроме этих бумаг. Так сделай это, наконец! Тебе даже не нужно возвращаться в Крайтон, просто подпиши документы о разводе, и я от тебя отстану.

Писк в трубке возвестил о том, что положенное время для записи сообщения на автоответчик закончилось, и я в сердцах швырнула трубку на пассажирское сидение.

Сколько за последний год я оставила таких сообщений? Сотню или больше? Однажды звонила ему каждый день всю неделю, но сейчас отзванивалась по средам по дороге на работу. Сообщения были разными: начиная от спокойных, где я уговаривала Дэна, что так будет лучше для нас двоих, и заканчивая угрозами, когда я обещала лично приехать к нему и оторвать все ненужное, если он не подпишет бесовы бумаги.

Проблема была в том, что я не знала, где сейчас мой муж. И мне в общем-то было на это плевать, если бы этот драчный вервольф дал мне развод. По законам Легории супруги

оба должны отказаться от брака: нет двух подписей – продолжайте мучаться! Исключение могут сделать разве что «в случае нанесения телесных повреждений», но несмотря на все недостатки мужа, на его врожденную агрессию, несмотря на то, что мы раньше ссорились до сорванных голосов, он меня ни разу не ударил, а сейчас это вообще было не актуально. В последний наш телефонный разговор Дэн обещал приехать и разрубить эту веревку, связывающую нас.

Тогда я еще верила его обещаниям.

Я припарковала машину во внутреннем дворе и вошла в магазин через черный вход. Рэбел, моя бессменная помощница, как раз расставляла новые экземпляры и протирала полки.

– Снова не взял трубку? – поинтересовалась Рэбел, лихо прыгивая на пол. Она не могла похвастаться высоким ростом, но зато благодаря этому она не падала ни с одного табурета, балансируя наверху.

– У меня это на лице написано?

– Да. У тебя взгляд становится таким, будто хочешь взять томик Дрэксона и дать кое-кому по морде.

Я не сдерживаю улыбку. Энциклопедия Дрэксона или «Все о мире вервольфов» – пожалуй, самая огромная книга, которая есть в моей лавке, если не сказать самая большая в мире.

– Дрэксон, Рэбел? Он же не выживет!

– Никто после такого не выживет. Но тогда и разводиться

не придется.

– Рэбел!

– Ладно, молчу. Но когда вижу тебе такой, сама кошусь в сторону различных энциклопедий. – Раскосые глаза помощницы сужаются совсем в щелки – верный признак раздражения. – Потом правда вспоминаю, что они стоят дороже, чем шкура этой псины.

– Вспоминай об этом почаще. Нельзя бить людей или вервольфов редкими изданиями. Во-первых, тебя могут арестовать, во-вторых, ты можешь повредить редкий и дорогой экземпляр.

Рэбел яростно приглаживает темные густые волосы, заплетенные во множество кос.

– Чарли, ты не думала, что можешь нанять детектива? Разыскать этого вервольфа и заставить его все подписать?

– Для того, что заставить Дэнвера что-то подписать, нужно нанять двое-трое головорезов, но я не стану связываться с криминалом.

Хватит того, что в нем погряз мой муж. Этого я не говорю, но Рэбел и так знает всю историю. У нас разница в двадцать лет, тем не менее, она мой лучший друг, и знает обо мне все.

– Но из-за этой бумажки ты не можешь строить свою личную жизнь!

– Рэбел, вся моя личная жизнь – это вот, – киваю на полки с книгами и вскидываю руку вверх: – Закрыли тему. Не хочу больше о нем. Лучше скажи, что нам вчера прислал прим

Томпсон.

Это срабатывает: Рэбел переключается на рабочие дела. Магазин достался мне в наследство от любимой бабушки, родители хотели его продать, считая, что букинистическая лавка в век развития информационных технологий – неперспективно. Но я отказалась и после окончания университета превратила лавку в место, куда приезжали не только из Крайтона, со всех концов Легории. Мы принимали только редкие издания книг, настолько редкие и эксклюзивные, что народ готов был хорошо платить за них. К тому же мне удалось сохранить атмосферу прошлого, поэтому все наши клиенты с порога будто попадали в прошлое, погружаясь в ретро-мир. Как бы не ворчала Рэбел, я действительно любила то, что делала, и старалась ради собственного дела.

Правда, сегодняшние первые посетители отличаются от тех, кто обычно к нам заходит. Точнее они ведут себя по-другому: чаще всего новенькие в нашем магазине выглядят так, словно попали в музей, залипают возле клетки с серебряным попугаем или прилипают взглядами к полкам, от пола до самого потолка заставленными книгами. Эти двое сразу направляются к стойке с кассой, то есть ко мне.

– Прима Брайс? – уточняет высокая темноволосая женщина, ее спутник маячит за спиной и скучающе рассматривает все вокруг. Судя по выправке эти двое из полиции, хотя и без формы. Оба вервольфы.

– Да это я.

– Сержант Лабрю, – она указывает на своего напарника. – И Сержант Баррет. Уделите нам минутку.
– Да, конечно. Что-то случилось?
– Случилось. Когда вы в последний раз общались со своим мужем?

По спине почему-то пробегает холодок. Интуиция подсказывает, что Дэн влип во что-то.

– Год назад, может больше. А что?

– Дэнвер Брайс погиб сегодня ночью в автокатастрофе.

Дэн мертв?

Мой муж – мертв?

Новость заставляет ухватиться за край стойки. Пульс стучит в ушах, а я... я оказываюсь где-то в другой реальности. Темноволосая сержант что-то еще говорит, но смысл ее слов ускользает от меня.

– Что? – как в тумане переспрашиваю я и добавляю: – Этого не может быть, он же вервольф.

Серьезные взгляды полицейских сменяются на сочувствующие. Ну да, вервольфы сильнее человека, выносливее, и регенерация у них лучше, но они не бессмертные.

– Эксперты говорят, – приходит на помощь своей напарнице второй сержант, я при всем желании не могу вспомнить его фамилию, – что он получил травму, из-за которой не смог выбраться из автомобиля и сгорел вместе с ним.

Резкий вздох слева от меня заставляет вздрогнуть: это Рэбел зажимает ладонью рот. В ее глазах ужас и шок. Моя по-

мощница боится огня после того, как сама в детстве едва выбралась из горящего здания. Я это помню. Как помню то, что Дэнвер ничего не боялся. Ни пламени, ни высоких скоростей.

Он вообще любил рисковать.

– Прима Брайс, – кажется, сержант Лабрю не первый раз окликает меня, и я заставляю себя оттолкнуться от стойки, в которую вцепилась пальцами.

– Да?

– Мы соболезуем вашей утрате, но нам нужно задать вам пару вопросов, наедине.

Рэбел приходит в себя первой.

– Я схожу за кофе.

Она снимает пальто с вешалки, набрасывает его на плечи и выходит через главный вход. Мне бы не помешал кофе, и пальто тоже не помешало, потому что даже теплый свитер не спасает от внутренней дрожи.

– Скажите, у вашего мужа были враги?

Вот теперь я холодею по-настоящему, а во рту пересыхает от волнения.

– Я понятия не имею. – Мой голос звучит так, будто он не мой вовсе. Спокойно, отстраненно, я включаю деловой режим, чтобы не начать кричать или не стечь на пол, забившись в угол между стеной и стойкой. – Как я уже сказала, мы очень давно общались. Я даже подавала заявление в полицию, чтобы вы его разыскали.

– Мы в курсе, – кивнула сержант Лабрю. – То есть вы с ним не связывались больше полугода, не созванивались, и искали исключительно для того, чтобы развестись?

– Он не отвечал на мои звонки. Почему вы спрашиваете про врагов?

Сержанты переглянулись и только затем второй ответил:

– У нас есть предположение, что это не несчастный случай. Что авария подстроена.

Не предположение, понимаю по их взглядам. Они уверены, что Дэна убили.

Одной фразой меня насильно выкидывает в воспоминания, которым уже полгода. Тогда я еще верила, что у нас с Дэнвером действительно все может наладиться. Он нашел новую работу, сказал мне, что учит драться какого-то богатея. Платили очень хорошо, за несколько месяцев муж купил новую машину, делал подарки, пригласил меня в ресторан, отметить годовщину.

После ужина мы с Дэнвером вернулись домой и занимались сексом до утра, несмотря на то, что в предыдущие месяцы муж был достаточно холоден. С каждым годом наш брак все сильнее и сильнее испытывало на прочность. Дэн очень переживал, хоть и пытался скрыть это, что не прижился в среде людей, что лишился всех привилегий собственной семьи. А я – что не могу закрыть эту брешь в его сердце. Я не была волчицей или богатой наследницей, у меня был небольшой счет в банке и магазин. Дэн не хотел быть как все, но

рядом со мной у него не получалось по-другому. И это раз за разом становилось причиной наших ссор.

В ту ночь все было как прежде, как тогда, когда мы только-только познакомились. Поэтому меня накрыло эйфорией, я весь день ходила как пьяная и искренне верила, что это новый виток наших отношений.

В каком-то смысле так и было.

Потому что ближе к вечеру мне позвонили.

– Шарлин Брайс? – женский голос оказался таким высоким и звонким, что поначалу я решила, что незнакомка очень молода.

– Да, это я.

– Хотела узнать, как чувствует себя та, что не дает свободы своему мужу.

Я как раз ставила увесистый том «Истории королей вервольфов» на полку и уронила его себе на ногу, но даже не почувствовала этого. Это напоминало тупой розыгрыш, как на День шута – ежегодный карнавал, проходящий по всей стране.

– Что? В каком смысле?

– В том самом, стерва! Только не делай вид, что ты тут ни при чем! Мне прекрасно известно, что ты не даешь Дэни развод, чтобы мы могли быть вместе.

Нет, это точно казалось шуткой. Очень жестокой и злой. Но первый шок миновал, и я холодно поинтересовалась:

– Вы вообще кто?

– Его единственная любовь, Чар.

Так меня называл только Дэн, поэтому я только сильнее сдавила телефон с желанием смять его в кулак. К счастью, я не была вервольфом, чтобы сделать это.

– Что молчишь, сучка?! – совсем не по-женски прорычали в трубку. – Дэн говорил, что ты холодная, как льдина, и он давно тебя не трахает. Странно, что вообще трахал: не каждой под силу вынести темперамент чемпиона Волчьего ринга!

Внутри все мелко дрожало, но я ограничилась глубоким вдохом, выдохом и холодным:

– Не звоните мне больше.

– Подпиши развод и оставь его в покое!

Я нажала отбой раньше, чем она продолжила.

Внутри меня растекалась тьма, готовая меня поглотить, но снаружи я будто окаменела. Прождала до самой ночи Дэна-вера, не ложилась спать, сопоставляла все мелкие детали. И в детстве, и в университете я любила детективные романы, и всегда подмечала то, что не видели другие. Но почему-то предпочла обманываться, закрывать глаза на очевидные вещи. Например, откуда у обычного тренера деньги на спорткар и брендовую одежду. И почему он возвращается так поздно.

– Чар? – поинтересовался он, застав меня в гостиной. – Почему не спишь?

– Тот же вопрос, Дэн.

– Я работал, милая.

– Что же это за работа, милый, которую приходится делать по ночам?

Дэнвер проходит вперед, но почему-то не снимает пальто.

– Так захотел клиент, – разводит руками муж с широкой улыбкой. – Днем он занимается делами, поэтому тренируемся мы тогда, когда у него получается.

– По выходным?

– Ну да.

– И чем он занимается?

– Спортом. – Глаза мужа начали бегать – верный признак, что я загнала его в угол. – Он вкладывает деньги в игроков. В боксеров.

– Вкладывает в боксеров, но попросил тебя его обучать?

– А что странного? – вспыхнул Дэнвер. – Ты не веришь, что я могу чему-то его научить? Не веришь в меня?

Я приподняла бровь.

– Почему нет? Я всегда тебе безоговорочно верила. Может, сейчас хочу убедиться, что это по-прежнему так. Хочу знать, где ты был на самом деле.

– Чар, ты что ревнуешь? Милая, я люблю только тебя.

– А трахаешь других.

Его «милая» как когтями по сердцу, но хуже всего взгляд Дэнвера: за напускным удивлением он не успевает спрятать досаду и злость. Особенно, когда я добавляю:

– Сегодня как раз одна звонила, требовала, чтобы я дала

тебе развод.

– Кто?

– То есть их много?

Мои слова заставляют Дэнвера выругаться.

– Чар, брось. Это все несерьезно. Не накручивай себя.

Полы пальто распахиваются, но муж, будто опомнившись запахивает его вновь. Лето в самом разгаре, и дома душно даже ночью, а он не снимает бесово пальто!

– Сними пальто, Дэн.

– Зачем? Это к делу не относится.

– Просто сними пальто.

– Нет.

Я шагаю к нему, и где-то на полпути понимаю, что не так. Я не вервольф, но запах от Дэна такой резкий, что его сложно не уловить, и это вовсе не запах потного тела.

Рывком бросаюсь вперед, распахиваю пальто и вздрагиваю от увиденного. Потому что рукав рубашки и бок разодраны и в крови.

– Ты ранен? – охаю я, забыв про злость. Забыв вообще обо всем.

Осторожно касаюсь его плеча, но он отталкивает меня от себя, легко для вервольфа, и я падаю на диван.

– Не включай заботливую женушку, Шарлин, – цедит он. – И не лезь не в свое дело!

Его черты искажает едва сдерживаемая трансформация, и впервые за все годы, что я знаю Дэнвера, страх холодом

пробирается под мою кожу.

Меня пугает собственный муж.

– Что это? Что это за тренировки такие, Дэнвер? – разрываю я эту тишину. – Откуда у тебя деньги? И что такое Волчий ринг?

– Норма, сука, чтоб ее... Хочешь знать откуда деньги? Оттуда. А Волчий ринг – бои вервольфов.

– Это законно?

Я понимаю, что нет, сразу, как только успеваю спросить. Даже не по взгляду Дэнвера, просто понимаю, что он влез туда, куда не следует, наплевав на все. Наплевав на то, как я к этому отношусь. Наплевав на меня.

– Незаконно, Чар, – улыбка Дэна настолько издевательская, что напоминает оскал. – Но покажи мне место, где такие деньги можно заработать законно?

– Это плохие деньги, Дэнвер. Это...

– Мне насрать на это! – рычит муж. – Это моя стихия. Я – вервольф, а не комнатная собачонка.

– Я никогда не считала тебя...

– Да ладно! Я тебе разве что тапки в зубах не приносил, а что ты? Ты никогда не думала, что я вервольф, который живет жизнью человека. Жизнью неудачника!

Я снова хочу возразить, но он рычит:

– Молчи, Чар! Мне известно, как прекрасно ты можешь впаривать свое мнение под этикеткой заботы. Вот только забота – это поддержка.

– Я тебя поддерживала!

– Ни хрена ты меня не поддерживала! Ты все время говорила мне, что быть неудачником нормально. Тебя устраивало, когда я был таким. Зависимым от тебя. Так вот это не нормально! Тебя вообще ничего не интересует, кроме твоего магазина.

– Мы не умерли с голода благодаря моему магазину.

– Ну да, только с голода и не умерли. Но, знаешь, есть нормальные женщины, для которых я не послушный кусок дерьма, а чемпион. Для которых я мужик, интересующий их гораздо больше рассыпающихся от старости книг. Меня достало твое нытье! Достала твоя правильность! Нормальная волчица только бы обрадовалась тому, что у нас появились деньги, и что ее волк – лучший боец!

– Я не волчица!

– И в этом твоя проблема!

Я резко поднялась и указала ему на дверь:

– Убирайся!

Глаза Дэнвера сверкнули желтым. Он шагнул было ко мне, но я стянула кольцо и швырнула ему под ноги. То самое кольцо, которое когда-то носила на цепочке. То самое кольцо, которое минуту назад еще обжигало мне палец.

– Уходи, Дэн, – сказала спокойно: так спокойно, как нужно разговаривать со взбешенным зверем.

Спокойно, уверенно, ни на минуту не теряя уверенности в себе.

– Уходи, или клянусь, я вызову полицию и все им расскажу.

Дэнвер остановился, словно наткнулся на стену.

– Ты пожалеешь, Шарлин, – прорычал он.

А потом резко развернулся. Кольцо хрустнуло под его ботинком, он вылетел за дверь и хлопнул ей с такой силой, что чудом не сорвал с петель.

В тот вечер я вычеркнула его из своей жизни и с тех пор я виделась с ним один единственный раз. Мы встретились в кафе «У Барри», что напротив моего магазина. Спустя две недели я смогла нормально с ним разговаривать и напомнила, что мне нужен развод. Дэнвер уговаривал меня подумать и дать нашим отношениям еще один шанс, но я понимала, что шанса у нас нет. О чем сразу и прямо ему сказала.

На следующий день он исчез.

По законам Легории супруги оба должны отказаться от брака: нет двух подписей – продолжайте мучаться! Поэтому следующие месяцы я пыталась до него дозвониться. Поэтому подала заявление в полицию на поиски мужа. А теперь... сегодня узнала, что...

Дэнвер мертв.

– Прима Брайс? – возвращает меня в реальность голос сержанта Лабрю. Только сейчас замечаю, что ее напарник отошел к стеллажам. – Я знаю, что новости у нас плохие, но, вероятно, вы сможете помочь в нашем расследовании.

– Чем я могу помочь?

А главное – зачем?

Дэнвера это уже не вернет.

– Чем прим Брайс занимался до того, как вы расстались? Может, упоминал какие-либо имена? Что-то необычное...

Имена? Нет. Я даже не знала полное имя его любовницы. Был только Волчий ринг, но рассказывать полиции о том, что я знала про подпольные бои, в которых участвовал Дэн, вряд ли разумно. Это породит кучу вопросов, и уже не таких вежливых.

– Нет. Я уже говорила, что мы виделись с ним мы очень давно.

Сержанты вновь играют в гляделки, а мне нестерпимо хочется прекратить этот допрос. Потому что у меня ночью умер муж. Потому что я едва держусь, и у меня нет ни сил, ни желания отвечать на их вопросы.

– Вы уверены?

– Да, абсолютно, – киваю.

– Позвоните нам, если вдруг что-то вспомните, – произносит стандартную фразу сержант Лабрю, вручая мне треугольник визитки. – И еще раз примите наши соболезнования.

Моя помощница влетает в магазин сразу же, как только полицейские уходят. Наверняка, ждала на крыльце.

– Вот, – она вручает мне кружку с кофе. – Пей, пока не остыл.

Я была настолько оглушена произошедшем, что послуш-

но сделала глоток и тут же закашлялась, потому что горло обожгло огнем.

– Рэбел, что это?!

– Кофейный виски.

– Кофе с виски?

– Нет. Кофе с виски – это когда добавляешь в кофе пару ложек горячительного. А кофейный виски, когда в подогретый алкоголь добавляешь немного кофе.

У помощницы настолько серьезный вид, что я начинаю смеяться. Не так, как обычно. Смех вырывается из меня резко, с надрывом, обжигает все внутри не слабее кофейного виски. Перед глазами встает мутная пелена, и вот я уже чувствую, как Рэбел прижимает меня к своей большой груди.

– Поплачь-поплачь, Чарли. От слез всегда легче.

Не легче, я это знаю. Поэтому мотаю головой, задавив в зародыше, выглядывающую наружу истерику.

Я сильная.

Я не могу позволить себе слезы.

Я не могу позволить себе слабость.

Особенно сейчас.

– Я должна... Должна рассказать об этом родителям. Рэбел, ты справишься одна до вечера?

Помощница упрямо сжимает губы, но все-таки соглашается.

– Конечно, Чарли. Я закрою магазин.

– Нет. Только до вечера Рэбел. Я вернусь и сама его за-

крою.

– Но...

– Всё в порядке! – говорю я уверенно. По крайней мере, мне хочется, чтобы мой голос так звучал. – Мне хватит этого.

– Хорошо, – кивает помощница. – Хотя бы захвати с собой кофе.

Не уверена, что смогу его осилить, но не взять – значит, огорчить Рэбел. Так что забираю чашку, выхожу из магазин и пересекаю узкую улицу, которую с недавних пор власти сделали пешеходной.

Мои родители живут в доме напротив.

В том самом доме, в котором располагается «У Барри».

Я прохожу мимо кафе, автоматически отмечая столик, за которым сидела с мужем. С каждым мгновением все больше осознавая, что Дэнвера больше нет. Я никогда больше его не увижу.

Да, мы расстались, но... Но я не могу не думать о том, что между нами было.

Когда-то.

Когда мы были совсем другими... Юными, влюбленными, когда стояли друг за друга горой.

Поэтому когда мама открывает дверь и меняется в лице, когда с ее губ срывается:

– Что случилось, доченька?..

Я шагаю вперед и утыкаюсь лицом ей в плечо.

Глава 2

К счастью, мама всегда была понятливой. Я еще слова не сказала, а она уже крикнула отцу:

– Гувер, иди в гостиную и захвати с собой тот успокаивающий сбор.

Мама провела меня под руку и усадила на оранжевый диван. Аккурат на мое место. Сейчас я живу в другом районе, более новом, с развитой инфраструктурой, в доме с парковкой, но это – квартира моего детства. Мне все здесь знакомо и дорого: начиная от потертой диванной обивки до белоснежных вязаных занавесок, что достались от бабушки.

Я поставила кофейный виски на журнальный столик и мама тут же сжала теплой ладонью мои заledenевшие пальцы. Она у меня очень красивая, несмотря на то, что ворчит, что возраст ее портит. У мамы волосы цвета шоколада и ярко-голубые глаза, а я пошла в папу: светловолосая, с зелеными глазами. Разве что очков не ношу, и взгляд у меня жесткий.

Дэн так говорил.

– Что-то с магазином, Чарли? – поинтересовался отец, появляясь в гостиной с подносом, на котором чайник и чашки.

Приходится рассказать им, что я теперь вдова, и с каждым словом мне становится легче, совсем чуть-чуть, но это ослабляет тяжесть на моих плечах. Правда, решила умолчать

про предположение полицейских я молчу, ни к чему родным знать про врагов Дэнвера и про то, что это может быть вообще не несчастный случай. Не уверена, что мне самой было нужно это знание.

Родители слушали молча и внимательно, даже когда я закончила, долго молчали, пока мама первой не нарушила тишину:

– А я говорила, что он плохо кончит.

– Иви! – сурово посмотрел на нее отец.

Волнуется, раз повысил голос. Папа у меня мягкий и люблю ссору может свести на нет. Но настоять на своем тоже может всегда. Хотя мама до сих пор не простила себе, что позволила отцу выбрать имя ребенку. Папа очень хотел сына, хотел назвать его в честь своего деда – Чарльзом. Только родилась я и спутала ему все карты. По словам бабушки, родители еще пару лет после моего рождения спорили насчет этого, но я так и осталась Чарли. Хотя мама с детства называла меня исключительно полным именем – Шарлин.

– Что – Иви? – нахмурилась мама. – Дочка, не стоит он твоих переживаний.

Отец метнул на нее убийственный взгляд:

– Чарли, это ужасная смерть, но... Дэнвер давно не имеет к тебе никакого отношения. Он всегда был сам по себе, даже когда вы были вместе. Он... был другим.

– Вервольфом, – сухо напомнила я.

Не только родители Дэна были против нашего брака. Мои

тоже не выразили особой радости, хотя и не отказались от меня и даже пытались если не полюбить, то хотя бы принять моего мужа.

– Дело не в том, что он был вервольфом, Шарлин. Просто себя он любил больше, чем тебя.

Мамино признание – неожиданное. Я всегда яростно отстаивала свой брак, а сейчас больше нечего отстаивать. Потому что мамины слова созвучны с моими мыслями.

– Мне все равно кажется, что это я виновата.

– Это не так, Чарли. – Отец налил крепкий чай и подвинул ко мне чашку. – Владыка душ сам решает, когда подарить жизнь, а когда забрать.

– Но может быть, если бы я была рядом, ничего этого не случилось бы.

Мама крепче сжимает мою руку:

– Шарлин, Дэнвер сам сделал свой выбор, когда ушел. И я искренне благодарна Владыке, что когда он забрал его душу, тебя в той машине не было.

Мы еще немного сидим в гостиной, потом родители убегают по своим делам (я настаиваю). Мама подтягивает дочку своей подруги по легорийскому, у папы – встреча шахматного клуба, а я не морщась опрокидываю в себя всю чашку остывшего кофейного виски, поднимаюсь в свою комнату и долго лежу на кровати, свернувшись клубком.

Очнуться мне помогает телефонный звонок: сначала вздрагиваю, потом вижу, что звонит один из постоянных по-

купателей. За окном уже стемнело, а это значит, что пора возвращаться в реальный мир и на работу. Я не крашусь, поэтому сейчас просто умываюсь и стягиваю спутанные волосы в хвост.

На улице ливень:несмотря на то, что я очень быстро добегаю до магазина, умудряюсь изрядно промокнуть. Правда, в самом магазине тепло и многолюдно. Многолюдно для букинистической лавки, конечно же. Две девчушки рассматривают полку с поддержанными учебниками, прим Томпсон пришел за отложенной книгой.

– Привет, червь! – говорит при моем появлении серебристый попугай.

– Червь?! Роджер откуда ты такое слово узнал?

Передо мной тут же появляется восьмилетний мальчуган, младший сын Рэбел, который строго смотрит на птицу.

– Я учил его словосочетанию «книжный червь», но он отказывается запоминать слово «книжный».

Я мысленно вздыхаю и склоняюсь к мальчику.

– Сайрус, давай договоримся, что ты не будешь учить Роджера словам, на которые наши покупатели могут обидеться.

– А что здесь обидного? Мы все тут книжные черви.

– Не все хотят быть червяками.

– Хорошо, я его переучу, – насупившись, обещает мальчик, но продолжает следовать за мной по пятам. – Чарли, знаешь, что я узнал из истории вервольфов? Что люди и вервольфы целых три столетия были непримиримыми врагами.

Все началось с того, что вервольфы даже захватили земли Легории, но люди использовали хитрость. Отправили прекрасных дев в подарок вожакам волчих стай, а те умертвили их ночью после плотских утех.

Бесы! Не уверена, что Сайрус в курсе, что такое «плотские утехы», но нужно предупредить Рэбел, чтобы следила за тем, что он читает.

– Уверен, что тебе стоит читать такие книги?

– Я все здесь читаю! Все, что есть про вервольфов, – гордо выпячивает грудь Сайрус. – А вот еще...

– Сай, не мешай Чарли! – шипит на него старшая сестра, Лола, помогающая матери. – Ты достал уже со своими вервольфами!

– Все в порядке, Сайрус, – я хлопаю обиженного мальчика по плечу. – Извини, сегодня и правда тяжелый день. Давай завтра попьем чай, когда ты вернешься из школы, и обсудим историю.

– С пончиками из «Вдохновения»?

– Обязательно.

Я как раз уже у стойки, где Рэбел прощается с примом Томпсоном.

– Какой дождище, а? Так полулицы смоешь, ни одни резиновые сапоги не спасут, – говорит прим.

– Пожалуйста, не утоните, – смеется помощница. – Кто будет развлекать меня шутками?

Прим Томпсон уходит, и улыбка Рэбел сменяется трево-

гой в глазах:

– Чарли, ты что здесь забыла? Отправляйся домой.

– Нет, я и так оставила тебя одну на целый день. А у тебя еще много домашних дел.

– Подождут! – отмахнулась подруга. – У тебя причина поважнее.

– Рэбел, я не хочу утонуть в рефлексии и жалости к себе. Тем более, что наши с Дэном отношения в прошлом. Все в прошлом.

Рэбел не провести.

– Ты в это веришь?

Я не уверена, во что я верю, так это в то, что мои чувства словно затупились, как давно не точеный нож. Все, что мне сейчас надо – побыть одной.

– Верю. Иди домой, как подругу прошу. Но могу как начальство.

– Ладно-ладно, – помощница грозит мне пальцем, – я тебе это припомню. Лола, Сайрус, идем домой.

Они уходят, а я отпускаю девчонок, которые все-таки нашли нужный учебник. На улице действительно льет так, что вряд ли кто-то забредет в магазин в такое время, но стоит покупательницам выйти за порог, старинный звоночек звенит вновь.

Я поворачиваюсь, чтобы поприветствовать нового посетителя, и застываю на месте.

В магазин один за одним входят высокие мужчины в кожа-

ных куртках. Их пятеро, и они словно растекаются по всему залу, совсем не интересуясь книгами. Все взгляды устремлены на меня, и каждый горит желтым.

Вервольфы.

Последний вошедший обходит стойку со старинными книгами и медленно, я бы сказала лениво, направляется прямо ко мне. В отличие от других у него растрепанные волосы до плеч, он смазлив по меркам вервольфов, а еще на нем стильное пальто и дружелюбная улыбка. Если, конечно, можно назвать дружелюбным волчий оскал.

– Чудесный вечер, правда?

Все вервольфы разом подбираются, и я выпрямляю спину. Они не выглядят телохранителями, скорее, гарантией того, что я не смогу уйти. Словно в подтверждение моих мыслей, один перекрывает собой дверь в подсобку, а второй – черный ход.

– Ошиблись адресом? – спрашиваю спокойно. – Бар дальше по улице.

В моем магазине есть ценные книги, но они ценны своими знаниями, для людей знающих. Грабителям в моем магазине делать нечего, а, значит, они здесь не за этим.

Моя фраза веселит главара, и его смех ударяет по моим нервам. Интуиция воет полицейской сиреной, но я держу лицо. По крайней мере, мне хочется в это верить.

– Нет, Шарлин, – он выделяет мое имя, и у меня внутри все холодеет, – я думал, ты в курсе, что вервольфы не любят

алкоголь. Мы от него не хмелеем. Да и зачем хлестать виски, если у тебя есть множество других способов развлечься?

– В барах много развлечений.

– Убедила, заглянем туда вместе. Только сначала покончим с делами.

С главаря слетает улыбка и он подходит вплотную к стойке, а я медленно тянусь к тревожной кнопке. Мы с Рэбел всегда хранили ее на полке под кассой, но сейчас там почему-то ее не оказывается. Поэтому я беру стопку журналов и выдвигаю ящик стола.

– Хотите купить книги?

Вот она!

Только держать лицо и заговаривать им зубы.

Сердце колотится как безумное, но я вежливо улыбаюсь. Как улыбаюсь каждому клиенту, зашедшему в мой магазин.

Мое запястье перехватывают раньше, чем я касаюсь черного кругляша, напоминающего ключ-кнопку от машины. Отточенным движением, почти невидимым человеческому взгляду. Но сдавливают так, что я вскрикиваю.

– Так делать не нужно! – Второй рукой он подхватывает кнопку, бросает ее к себе под ноги, и та с хрустом гибнет под мощным ударом ботинка. – Поверь, лишние свидетели тебе ни к чему, Шарлин.

Главарь резко тянет меня на себя, выкручивая руку, и в меня ударяет запах зверя. И собственный страх. Но это чувство дает мне силу. Из-за него я почти не чувствую боли в

запастье. Из-за него я перестаю трепыхаться и отвечаю на взгляд вервольфа ненавистью.

– Убрал свои лапы! – цежу ему в лицо, и меня отпускают так же внезапно, как схватили.

– Ух ты, какая горячая штучка! – Глаза главаря загораются восторгом. – И не скажешь, что человек. Волчица! Неудивительно, что Дэни просрал из-за тебя свое наследство.

Значит, все-таки Дэнвер. Стоило сразу догадаться. И во что ты меня втянул, бывший муж?

– Кто ты такой? – спрашиваю. – И что тебе от меня нужно?

– Мои желания тут ни при чем, Шарли. Наверное, так тебя называют близкие?

– Для тебя я прима Брайс.

– Ну-ну, не хами, крошка. Я здесь не ради себя.

Его настроение меняется с той же скоростью, с какой он умеет двигаться: сейчас на его лицо проявляется раздражение с оттенком злости.

– А ради кого?

– Ради нашего альфы, разумеется.

Я застываю на месте.

Альфа – не просто слова. Это самый главный в стае вервольфов. Им становится самый сильный волк, победивший всех, кто осмелился бросить ему вызов. Альфа – судья и самый уважаемый вервольф. За неподчинение ему любого вышвырнут из стаи. Но даже самый молодой вервольф может создать собственную стаю, если за ним пойдут другие.

– Видишь ли, Шарли, Дэни одолжил у него крупную сумму и забыл ее вернуть.

– Дэнвер погиб.

И, возможно, убийцы сейчас передо мной. От этой мысли мороз по коже.

– Это нам известно. Погиб, да, с кем не бывает? Но денег как не было, так и нет. Ни на счетах Брайса, ни в его доме. Нашего альфу это очень расстроило, не в его стиле прощать долги. И знаешь что, если денег нет, то он кому-то их отдал. Кому еще, как не любимой жене?

Вервольф снова оскаливается, а мне становится дурно.

– Мы полгода в разводе.

– Не ври, Шарли. Ты была законной женой Дэни, пока тот не сдох.

– Только потому, что он отказался подписать бумаги.

Он демонстративно зеваает, будто ему скучно.

– Меня это все не касается. Теперь его долги – твои долги. Заплати – и свободна.

Взгляд вервольфа говорит о том, что от меня не отвяжутся. Долг на мне. А если не заплачу, то отправлюсь следом за Дэнвером. От собственной догадки скручивает внутренности.

– Сколько?

– Десять лямов.

Десять миллионов крайтов?!

Это какой-то страшный сон!

Дурной и не про меня.

Даже если продать магазин и все книги в нем, я соберу не больше трех!

– У меня нет таких денег, – отвечаю едва слышно. Голос сел и не слышится, поэтому приходится повторить: – У меня нет такой суммы.

– Значит, найди, – отрезает вервольф. – Иначе кое-кому не поздоровится. В отличие от Дэнвера, тебе есть кого терять. Например, родителей. Или ту крошку с волчатами, которая на тебя работает. С ними тоже может много всего случиться, а виновата будешь ты.

Они все про меня знают.

Абсолютно!

Тошнота подкатывает к горлу, и мне нечем дышать. Но я собираю все свои силы и вкладываю их в ответ:

– Они здесь не при чем! Долг только мой.

– Хорошо, что ты это понимаешь. Люблю понятливых женщин. У тебя сутки на то, чтобы расплатиться.

Так мало?!

– Дайте мне неделю. Чтобы собрать деньги...

– Двадцать четыре часа с этой минуты. – Он указывает на электронные часы на стойке. – Не больше. Хотя...

Вервольф подается ко мне и водит носом, вдыхая мой запах. Мне приходится собрать всю свою волю в кулак, чтобы не отшатнуться от него. Покажу страх – проиграю!

– Ты чудесно пахнешь, – признает оборотень. – Даже

очень. Я могу дать тебе неделю, Шарлин, если сможешь хорошо развлечь нас с парнями.

Он снова тянет ко мне свои лапы, но на этот раз перехватываю его руку.

– Нет, – говорю. – От меня ты получишь только деньги.

– А жаль, – тянет вервольф. – Может, все-таки передумаешь?

– Вы сказали, что у меня есть сутки. Так что прошу покинуть мой магазин.

Он бросает на меня злой взгляд, но кивает, и все его говорезы тянутся к выходу.

– Увидимся, Шарли, – обещает вервольф. – Я приду завтра, и тогда мы с тобой поиграем.

– Даже не надейся!

Он усмехается, но тоже уходит, а я считаю про себя до десяти и сползаю на пол.

Я пообещала этому волчаре десять миллионов.

Десять миллионов, которых у меня нет.

Но если я их не достану, то достанется не только мне. Папе, мама и даже Рэбел с детьми. Всем, кого я люблю. Всем, кто под моей защитой.

Это моя стая.

Думай, Чарли! Думай.

Я растираю запястье, на котором синим растекается кровоподтек.

Я не могу найти деньги, я не могу договориться с их аль-

фой, но...

«Не знаю, что нашло на Доминика, но на него действительно можно положиться. У него есть связи... в особых кругах, он может решить любую проблему», – слова Дэнвера всплывают в памяти.

Возможно, я знаю, того, кто может.

Мне приходится приложить все усилия, чтобы смириться с этой мыслью. И даже несмотря на это я все равно продолжаю сидеть на холодном полу, глядя в одну точку и думая о том, что я могу воспользоваться оставленной Лабрю визиткой. Не могу. Не могу, потому что раньше чем этому делу будет дан ход, если он вообще будет дан (я не настолько наивна, чтобы считать, что полиция может что-то противопоставить вервольфу, способному дать в долг десять миллионов), могут пострадать мои родители. Рэбел и ее дети.

Я сижу и думаю, думаю, думаю.

Но в голове крутится только одно имя.

Доминик Экрот.

Магазин приходится закрыть раньше положенного времени, но я сомневаюсь, что в такой дождь ко мне кто-нибудь еще заглянет. За исключением кредиторов Дэнвера.

Хватает пяти минут, чтобы узнать адрес Доминика. Один из самых богатых персон Крайтона и Легории живет в Мантон-Бэй, в районе, где за десять миллионов можно купить разве что гараж. В Сети даже есть фото его дома – роскошного особняка на берегу Серебряного залива. Дом мечты, но

не моей.

Я включаю сигнализацию, и тут меня осеняет. Камера! Единственная камера в моем магазине направлена на торговый зал, чтобы ловить книжных воришек на горячем, но, к сожалению, стойку с кассой она не захватывает. Я возвращаюсь и просматриваю видео. На нем не видно, как вервольф выкручивает мне запястье и как давит тревожную кнопку, но в «кадр» попадает морда мерзавца, который угрожал мне!

Сохраняю видео на телефон, все закрываю и бегу сквозь стену дождя к машине. От кофейного виски в моем организме, кажется, не осталось и следа – все смысла бешеная доза адреналина. Мои пальцы слегка подрагивают, когда я вырываю на автостраду до Мантон-Бэй. Он находится в другой стороне от центра Крайтона, так что я выбираю окружную дорогу, чтобы избежать пробок, и навигатор выдает расчетное время прибытия – час сорок.

Я будто впала в некое подобие транса, когда есть цель, а всего остального не существует. Знала, что нужно хотя бы продумать, о чем с ним говорить. Но проблема была в том, что я не слишком хорошо знала Доминика, пусть даже Дэн называл его своим лучшим другом. Правда, лучшим другом он был до случая на веранде, когда предлагал мне стать его любовницей. С тех пор, как я вышла замуж за Дэнвера, с Экротом я ни разу не пересекалась, он даже не появился на нашей свадьбе.

Да что говорить о Доминике! Я, оказывается, даже толком

не знала своего мужа, который спустил десять лямов непонятно на что и повесил долг на меня! А у меня даже доказательств никаких нет, что этот долг вообще существует!

И главное, тем парням они не нужны.

Они придут за мной завтра и потребуют деньги.

Поэтому мне нужен тот, кто поможет во всем разобраться.

На этой мысли я вжала педаль газа до упора, выжимая из своей машинки все силы.

О том, что дома Доминика может не оказаться, я всю дорогу старалась не думать. А вот сбавить скорость все-таки пришлось, потому что, казалось, сама мать-природа была против моей поездки в Мантон-Бэй – дворники едва справлялись с дождем. Поэтому, когда навигатор пиликнул, что до моей цели всего триста метров, я поблагодарила всех, кого только можно, что добралась.

Все хорошо.

Меня не смыло в залив.

Я не перевернулась на скользкой автостраде.

Осталось только преодолеть четырехметровый забор и попасть в особняк, просматриваемый сквозь решетки. Подсветка двора и яркий свет в окнах давали надежду на то, что кто-то все-таки есть дома.

Закрывая голову курткой (я не додумалась взять зонт), я добежала до калитки и вдавила палец в звонок. И едва не подпрыгнула, когда из динамиков неожиданно раздался женский и, судя по интонации, веселый голос.

– Кто?

Вот что бывает, когда бесы на нервах играют! Начинаю дергаться от всего на свете.

– Мне нужен Доминик Экрот.

– А кто его спрашивает?

– Шарлин Мэдисон, – я решила представиться своей девичьей фамилией, тем более что Доминик знал меня под ней. – Мы друзья.

– Тогда это меняет дело! Сейчас открою ворота.

Широкие ворота действительно начинают мягко отъезжать в стороны, поэтому я спешу к своей машине. Неужели мне повезло?

И кто мне открыл? Экономка?

В таком доме наверняка содержат штат слуг.

Но в огромном холле с широкой лестницей, уходящей на второй этаж, ни души. Только приглушенный свет бра отражается в ламинате. Здесь вообще очень много дерева: резные перила, рамы картин, высокий столик в центре с изящной вазой. И совершенно ничего лишнего!

Дверь мягко захлопывается за моей спиной, и я чувствую себя крайне неудобно. Правда, с появлением в холле девушки, градус моей неудобности только увеличивается. Я в промокшем насквозь свитере и джинсах, мои волосы липнут к лицу, а вот незнакомка в коротком платье в мерцающих пайетках, на высоких каблуках и со струящимися по плечам шоколадными локонами. Да, на экономку она совсем не похо-

жа!

– Привет! – девушка подбегает ко мне, подхватывает меня за локоть и увлекает за собой. – Как я рада, что этот скучный ужин разбавило твое появление!

– Мое?

– Ну не мое же! – смеется она. – Доминик будет рад, что ты приехала.

Так...

Я адресом не ошиблась? Может, это какой-то другой Экрот? Или...

От этого «или» все внутри холодеет. Вдруг загадочный альфа, которому Дэнвер должен десять миллионов, и есть Доминик? И это все заранее спланировано?!

– Он меня ждет? – спрашиваю, высвободив локоть.

– Тебе лучше знать. Кстати, я – Джинджер, но можешь звать меня Джин.

Кто она такая? У Доминика нет жены, я знаю это из новостей. В смысле, если бы он женился, об этом кричали бы даже унитаза. Но это не значит, что у него нет такой Джинджер. У Дэна их было множество.

– Хорошо, Джин. Ведите меня к Доминику.

– А мы уже пришли!

Мы заворачиваем за угол, и Джинджер буквально вталкивает меня в большую, нет, просто огромную зеленую гостиную. С окном во всю стену, с причудливо изогнутыми диванами и с мерцающей всеми гранями хрусталя люстру. Но

главное, с хозяином дома, который резко поворачивает голову в мою сторону.

Наши взгляды встречаются, и в глазах Экрота на долю мгновения вспыхивает желтое пламя. Вспыхивает и тут же гаснет. Хотя его поза (он сидит в кресле, расположенном в середине комнаты) остается такой же расслабленной. А вот меня пробирает до кончиков пальцев. До мурашек по коже.

Я уже и забыла, какое пугающее впечатление он производит. Он давит своей аурой, своей животной сутью, а между нами несколько метров! Но я стряхиваю это ощущение, как стряхнула капли дождя с пальто, повесив его на руку.

Я знала, на что шла. К тому же, я уже здесь.

Делаю шаг вперед, не отпуская его взгляда, поэтому не сразу замечаю остальных присутствующих. На диване, по левую сторону от Доминика сидит пара в летах, а вот в кресле справа разместились утонченная девушка с волосами, как у Джинджер, и изумлением на лице, как у всех.

– Смотрите кого я привела! – восклицает громко Джин, привлекая всеобщее внимание. – Это подруга Доминика. Да-да, та самая подруга, которая есть у каждого уважающего себя вервольфа до свадьбы. А у некоторых и после свадьбы.

Эффект неожиданности лопается, как пузырь, и второй мужчина поднимается.

– Ты сказал, что будет семейный ужин, Доминик! Зачем пригласил эту женщину, когда сегодня мы обсуждаем вашу с Одри помолвку?

Помолвку?!

Бесы!

Джин кусает нижнюю губу, изо всех сил сдерживая смех, и я понимаю, что меня развели, и для нее это такой вид развлечений. Вот дрянь! Только она не знает, что у меня сегодня очень плохой день.

– Меня не приглашали, – отвечаю холодно, мысленно про-
сверлив дырку во лбу Доминика, – и я не подруга прима
Экрота. Но я приехала к нему для серьезного частного
разговора, который не терпит отлагательств.

– Какая наглость, – заявляет дама и поджимает губы. Оче-
видно, мама невесты.

А я стою посреди комнаты, смахивая с себя тяжесть вол-
чьего взгляда.

– Или мы можем поговорить здесь? – предлагаю я.

Скрежет отодвигаемого кресла режет слух. Доминик на-
конец-то поднимается, вырастая над окружающими, и на-
правляется ко мне, на ходу бросив:

– Начинайте без меня.

– Доминик, это неуважение к моей семье, – бросает муж-
чина.

– И чем же я вас неуважил, прим Конелл? – Готова от-
дать ногу на съедение волкам, мужчина даже приседает, ко-
гда Экрот к нему поворачивается. – Тем, что занимаюсь де-
лами? Ни вас, ни Одри они не касаются, мы договорились об
этом сразу. Начинайте без меня. Заодно напомните дочери,

что ложь всегда наказуема.

Джинджер перестает смеяться, ойкает и обходит Доминика по пологой дуге, а ему, судя по всему, на нее плевать. Он смотрит только на меня. Приходится собрать всю волю в кулак, чтобы не моргнуть и не сделать шаг назад.

Но когда мы оказываемся за дверью, его пальцы смыкаются на моих запястьях, притягивая к себе, а глаза загораются желтым.

– Что ты здесь делаешь, Шарлин?

– Я думала, тебе это известно, – отвечаю я тем же холодным тоном, что и минуту назад в гостиной. Кажется, этот день меня окончательно доконал, если даже близость Доминика не вызывает во мне желание сбежать. А вот биться за себя до последнего – вполне. – Джин сказала, что ты меня ждешь.

Вервольф притягивает меня ближе, практически заставляю встать на носки, многострадальное запястье пульсирует болью, а мне в ноздри ударяет запах мускуса с какими-то древесными нотами. Его запах.

– Джин любит... приукрасить. А вот я не люблю угадывать. Так что – к делу.

Я вглядываюсь в его лицо, пытаюсь прочесть на нем: правду говорит или нет? Но по Экроту сложно понять, что он чувствует. Играет или удивлен моим приездом?

Бес с ним!

– Будем разговаривать в коридоре? – интересуюсь я.

Он отпустил меня так резко, что я качнулась на пятки. Хорошо хоть не потеряла равновесие.

– Идем, – приказывает Экрот и уходит в ту сторону, откуда пришли мы с Джин.

Мне ничего не остается, как идти за ним.

Кабинет напоминает гостиную, только в уменьшенном формате: дерево, темно-зеленая обивка дивана и кресел, длинный письменный стол, шкафы с книгами. Последние особенно привлекают мое внимание – профдеформация. Но я здесь не ради книг.

К сожалению.

Экрот включает лампу на столе и кивает мне на кресло, а сам отходит к панорамному окну, за которым шторм бушует над заливом. Там такая тьма, что мы отражаемся в стекле, будто в зеркале, и я осознаю, что видок у меня совсем непрезентабельный. Волосы растрепались, губы синие от холода, а глаза огромные от всего пережитого. Самый ужас, что свитер промок так, что прилип к коже, показывая все, что можно показать, поэтому я поспешно складываю руки на груди и ловлю очередной нечитаемый взгляд Доминика, от которого не ускользает мой жест.

Я возвращаю ему взгляд, сдвигая брови. Когда твоей семье угрожает неизвестный альфа, не до презентабельности.

– В кабинете тебя устроит? – интересуется он. – Или выберем другую комнату для нашего разговора? У меня их много. Кухня. Ванная. Чердак. Спальня.

– Устроит!

Доминик смотрит на меня выжидающе, а у меня начинают подрагивать пальцы, в кабинете ощутимо прохладнее, чем в гостиной. Делаю глубокий вдох и такой же выдох.

– Дэнвер мертв.

Я столько раз за сегодня произносила эту фразу, что кажется, будто прошел не день, а год. Но все равно до сих пор не могу поверить в этот факт. Тем неожиданней слышать в ответ.

– Я в курсе.

– Откуда? – я вскидываю брови.

– Полиция обязана сообщать о таком альфе, чтобы я перedal прискорбную новость родителям.

Логично, что они сообщили родителям.

Вот только нелогично, что долг пришли требовать с меня. В то время, как стая Экрота – одна из самых богатых и процветающих в Крайтоне. Особенно с тех пор, как два года назад Доминик стал альфой. Узнав об этом, Дэн весь месяц раздражался по этому поводу, говорил, что это было его место.

Хотя посмотрела бы я на того, кто будет вытряхивать чужой долг из Доминика! Он даже выглядит пугающе, не говоря, что может задавить своей энергетикой или раздавить силой.

Я стряхиваю это чувство и перехожу к делу:

– Сегодня в мой магазин ворвалась банда вервольфов и

потребовала выплатить долг Дэна. Их главарь сказал, что он должен какому-то альфе слишком большую сумму.

– И ты подумала, что альфа – это я?

– Нет, – я покачала головой, но под пожелтевшим взглядом вервольфа все-таки призналась: – Но эта мысль тоже приходила мне в голову.

Доминик развернулся ко мне, и теперь мы смотрели друг на друга прямо, а не через отражение.

– Дэнвер не получил от меня ни крайта, с тех пор, как моя стая от него отвернулась.

Вот как!

– Ты хотел сказать с тех пор, как он на мне женился.

– Одно связано с другим. Тебя это задевает?

– Меня это никогда не задевало! Мы любили друг друга.

Но может быть, Дэн был бы счастлив, и его жизнь не закончилась бы так рано, не потеряй он связь с семьей. А может, и нет.

Я так увлекаюсь этими мыслями, что упускаю момент, когда Доминик подошел к столу и присел на его край.

– Что ж, это очень мило, – его губ касается саркастическая улыбка. – Надеюсь, ты не жалеешь о своем выборе.

– О чем ты?

– О том, что ты выбрала Дэна. Хотя могла бы сделать другой выбор.

Сдалась я ему! У него же, наверняка, столько было и будет женщин, что я, когда сюда ехала, не была уверена, что Экрот

меня вспомнит. Но видимо, тогда своим «нет» я проехала по его мужской гордости.

– Я любила его.

– А сейчас? Любишь? Говорят, истинная любовь бессмертна.

– Ты знаешь, что такое любовь?

Его ноздри раздулись, он резко втянул воздух, а потом оттолкнулся от стола и оказался рядом, нависая надо мной.

– Почему ты пришла ко мне, Шарлин?

Всё! Сейчас не до шуток.

– Дэн взял огромную сумму в долг, и куда-то дел деньги. Теперь якобы должна я, как его вдова.

– Ты хочешь одолжить у меня денег?

На его лице ни капли удивления. Тем приятнее ответить:

– Нет.

Вот теперь Доминик сдвигает светлые брови:

– Я хочу попросить тебя о помощи. Дэн однажды сказал, что ты можешь все. Или, по крайней мере, многое. Во-первых, я хочу узнать, существует ли этот долг вообще. Во-вторых – кто этот альфа, и для чего Дэнверу понадобились такие деньги.

Я роюсь в карманах пальто и наконец-то нахожу телефон.

– У меня есть видео с камеры в магазине, на ней вервольфы, которые приходили ко мне...

Доминик молчит, я всей кожей чувствую его взгляд, поэтому снова поднимаю на него глаза:

– Что?

– Зачем мне тебе помогать, Шарлин?

Этого вопроса стоило ждать.

– Потому что вы с Дэном были друзьями.

– С Дэном, но не с тобой.

– Это не мой долг, – напоминаю я.

– Не моей стаи тоже.

Ага, его стая прогнала Дэнвера из-за женитьбы на мне. Они Дэну не помогали, а на меня им тем более плевать. Но мне совсем не плевать на своих близких!

– Я не прошу у тебя денег. Только разобраться. Ты вервольф, знаешь ваши законы... – Мой голос срывается на последнем слове.

Потому что во взгляде Доминика больше не вспыхивают желтые искры, в них нет даже вежливого интереса. И вот от осознания, что ему по-настоящему все равно, что будет со мной и с этим бесовым долгом, мне действительно становится страшно. За папу с мамой, за Рэбел с детьми, за себя в конце концов. Потому что сама я за сутки не успею ничего.

Потому что запасного плана у меня нет!

Я все поставила на встречу с Домиником.

– Ты же можешь мне помочь! – говорю я. Или уже кричу. Я сжимаю и разжимаю кулаки, чтобы не начать кусать губы – старая привычка, от которой я избавилась еще в университете. Считала, что избавилась!

– Я много чего могу, Шарлин, если мне это интересно.

В могучести и могуществе Экрота я не сомневаюсь. Именно поэтому я здесь, а не где-то еще. И я, конечно, не настолько наивна, чтобы верить, что мне станут помогать по доброте душевной даже в память об ушедшем приятеле детства и юности.

– Я заплачу, сколько нужно, – уверяю его без колебаний. – У меня нет десяти миллионов, но есть сбережения, и я...

– Деньги меня не интересуют.

Я замираю, давно позабыв про телефон и видео на нем. Он сейчас издевается надо мной?

– А что интересует?

Тихий смех Доминика ударяет по моим нервам, но, прежде чем я успеваю ответить, его пальцы ложатся на мой подбородок. Так и замираю с открытым ртом. Кожа Экрота – горячая, поэтому обжигает на контрасте, и я непроизвольно вздрагиваю.

– Ты действительно настолько наивна, Шарлин?

Его пальцы соскальзывают вниз: едва уловимо касаясь шеи и обнаженной ключицы. А вот взгляд его красноречиво сползает еще ниже.

– Обычно, мне не приходится объяснять подобные вещи моим женщинам. Когда ты заявила ко мне в таком виде, что еще я мог подумать?

Бес! Забыла про свитер!

Ну и в задницу его.

– Ну конечно! Я специально полчаса мокла под дождем,

чтобы выглядеть настолько сексуально. На прическу убила два часа и душ последний раз принимала только утром. Все ради того, чтобы тебя соблазнить!

Меня несло, я это понимала. Но сарказм помогал не сдаться, пережить этот день.

– Зато твой запах теперь острее.

– Запах?!

– Твой запах, Шарлин. Для вервольфов важен аромат того, с кем собираешься заняться сексом.

Вот теперь я от него отшатнулась, рассматривая широко раскрытыми глазами. Шаг, еще один.

– Ты издеваешься надо мной? – спросила прямо. – Нет, правда? Или это такая месть? За то, что отказала тебе в прошлый раз. Хочешь посмотреть на мое унижение?

Стоило прикусить губу. Что я и делаю, но поздно.

Теперь взгляд Доминика будто пробивает меня насквозь. Глаза за секунду наливаются желтым, черты заостряются, лицо темнеет, а светлая рубашка, кажется, вот-вот разлетится на лоскуты от начавшейся трансформации. Экрот шагает ко мне, и все во мне кричит: «Беги!» Ведь мы здесь одни, и он сильнее меня! Гораздо сильнее.

– Унижение? – От его животного рыка во мне все стынет, я будто выросла пол. – Что же с тобой делал Дэн, если ты считаешь секс унижением? Или ты считаешь унижением секс со мной?

– Я...

– Унижение можешь оставить себе. А я хочу посмотреть на тебя без этих тряпок. Хочу услышать, как ты будешь стонать подо мной. Хочу трахнуть тебя. Прямо здесь и сейчас.

Нет, это не унижение. Это просто абзац! Мое лицо вспыхивает, и вовсе не от стыда. Мне за себя не стыдно. Кровь приливает к щекам и шее от злости на эту провокацию. Будь я вервольфом, точно бы превратилась в волчицу и вцепилась Доминику в горло!

Какого хрена?

Ему что, мало женщин?

Даже невеста в наличии.

– Знаешь, что меня больше всего достало? – Он снова опережает меня с вопросом. – Скука. А твое предложение внесло некое разнообразие в мою размеренную жизнь.

– Я ничего не предлагала!

– Так предложи.

Доминик медленно подходит к дивану и опускается на него, расположившись с максимальным комфортом. Его ноги раздвинуты, грудь размеренно поднимается и опускается, руки лежат на спинке дивана, а взгляд снова насмешливый, если не сказать предвкушающий.

Я разворачиваюсь и ухожу.

Потому что мне тошно от всего этого.

Потому что я не стану расплачиваться с ним собой! Своим телом.

– Стоять, – приказывает он так, что я едва не спотыка-

юсь. – Переступишь порог, и я больше не приму ни одного твоего предложения, Шарлин.

Тем сильнее мне хочется это сделать!

Уйти не оглядываясь.

Ну или оглянуться, чтобы увидеть, как изменится его лицо, когда я все-таки переступлю порог.

Но...

Это бесово «но» величиной в десять миллионов и сутками, чтобы их достать!

Будь я одна, будь у меня больше времени...

Поэтому я застываю перед этим проклятым порогом.

Может мое имя наложило отпечаток на мой характер, но я всегда все проблемы решала сама. Даже Дэнвера лишний раз ни о чем не просила. Я, именно я, всегда заботилась о своей семье. Я всегда принимала удар на себя.

Так что изменилось сейчас, Чарли?

В конце концов, унижить можно только того, кто желает быть униженным.

Я медленно поворачиваюсь и складываю руки на груди.

– Что именно ты хочешь?

Деловой тон «включается» сам по себе, но мне проще представить, что я провожу очередную сделку.

Сделку за безопасность и неприкосновенность моей семьи!

– Я это уже озвучил.

– Чтобы я стонала под тобой?

Он на время прикрывает глаза, но когда распахивает вновь, мне сложно понять, о чем Экрот думает.

– И это тоже.

– От чего? От боли или от удовольствия?

– Зависит от твоих предпочтений, Шарлин.

Меня всю внутри передергивает.

– Откуда уверенность, что я вообще буду стонать? Может, в постели я бревно.

Вервольф смеется.

– Предлагаешь сначала проверить? Я не против.

Искры смеха растворяются во взгляде Экрота так же быстро, как появились. Теперь я явственно читаю в его глазах голод.

Он похлопывает себя по колену:

– Иди сюда.

– Сначала гарантии!

– Дай свой телефон.

Для того, чтобы его отдать, мне нужно подойти к Доминику, что я и делаю на негнущихся ногах. Вервольф забирает протянутый разблокированный телефон, слегка касаясь пальцами моих, и я, пожалуй, слишком поспешно отдергиваю руку, что, естественно, от него не укрывается. Но он включает видеозапись и говорит:

– Я, Доминик Экрот, и я обещаю помочь Шарлин Мэдисон в деле с долгом ее покойного мужа. Теперь она под защитой, моей и моей стаи...

– И моя стая тоже под твоей защитой!

Доминик смотрит на меня чуть более пристально, чем прежде, но все-таки интересуется:

– Твоя стая?

– Мои близкие. Люди, за которых я отвечаю. Родители, моя помощница и ее дети.

Я выдерживаю этот взгляд. Если Экрот откажется, меня здесь ничего не держит!

– И твоя стая тоже под моей защитой. При полном и неукоснительном соблюдении договоренности между нами и выполнении всех моих условий. Клятва альфы.

Я не лгала, когда сказала, что не разбираюсь в законах вервольфов. Знала только то, что рассказывал Дэнвер. Но об этом от него слышала. Для людей последняя фраза ничего не значит, но для вервольфов клятва альфы – не пустой звук. Они все договоренности скрепляют подобными клятвами, ими просто так не разбрасываются и их не нарушают. Предъяви я эту клятву в мире людей, все только плечами пожмут. Но если я предъявлю ее тем ублюдкам, которые мне угрожали...

– Сроки? – Мой голос глухой, хриплый.

– До разрешения ситуации в твою пользу.

– Что это значит?

– Что я буду защищать тебя и твою семью столько, сколько потребуется, пока вопрос с долгом не будет решен.

– Я согласна.

Он выключает запись и возвращает мне телефон. А мои пальцы даже почти не дрожат, хотя внутри меня всю потряхивает, когда я просматриваю видео, на котором Доминик, действительно обещает позаботиться о моей семье и Рэбел с детьми. Это даже больше, чем нужная мне неделя. О таком подарке в мире вервольфов можно только мечтать.

Но мне такие подарки не нужны! Тем более от него.

– Мне не нужно твое покровительство, Доминик, – провожу между нами черту, игнорируя желтые вспышки в глазах вервольфа. – Помоги узнать, кому должен Дэн и сколько. И выиграть время, если долг действительно существует. Дальше я разберусь сама.

Доминик снова указывает на свои колени.

– Садись.

Мой пульс ускоряется, а во рту мгновенно пересыхает. Потому что одно дело представлять, что это просто обычная сделка, совсем другое – осознавать, чем нужно расплатиться.

– Сначала ты выполни свою часть сделки.

– Шарлин, – мое имя вервольф произносит настолько мягко, что лучше бы рычал, – ты получила свои гарантии, теперь я хочу получить свои. Садись.

Меня так бесит его самоуверенность, что я сажусь, но не к нему на колени, а рядом, на диван. Села же!

Но вервольф бросает на меня еще один испытывающий взгляд и вдруг поднимается со словами:

– Наша договоренность отменяется.

Бесы!

— Нет, Доминик, подожди! — я подаюсь вперед и хватаю его за предплечье. — Так нам будет удобнее.

Что я несу? Особенно учитывая, что мое лицо оказывается аккуратно напротив ширинки на его брюках и выпирающего бугра. Настолько внушительного, что я на мгновение зависаю.

— Неплохая мысль, — соглашается вервольф, и до меня доходит, что я только что сама подала ему идею. — И хорошие гарантии.

Он смотрит на меня выжидающе, а у меня к горлу подкатывает тошнота, с приступом которой я успешно справляюсь.

К бесам!

Это всего лишь сделка.

Такая же, как все.

Просто у нее такое странное условие. Если буду строить из себя жертву, то сразу же проиграю!

Мне просто нужно это сделать.

Сделать так, чтобы этот гад остался доволен.

Глубоко вдыхаю и выдыхаю, а потом кладу руки на бедра Доминика. Щелкает ремень, пуговица поддается непослушным пальцам, замочек молнии скользит вниз, а следом за ним брюки и нижнее белье.

Его кожа огненная под моими пальцами, у вервольфов температура тела выше, а еще они дьявольски красивы.

Плоский живот, литые мышцы бедер. Доминик не исключение из правила о звериной красоте. Я цепляюсь за эту мысль, чтобы не думать о том, что делаю, смотря на себя будто со стороны. Все это происходит будто не со мной.

Пульс стучит в ушах. Дыхание сбивается. У меня давно не было секса: я забила на отношения после того, как Дэн ушел. Но это и не секс.

Это сделка.

И мои обязательства перед Домиником.

Один оргазм для делового партнера, и я свободна!

Тем более вервольфа настолько возбуждаю я или сама ситуация, что до меня доносится сдавленный выдох сквозь зубы, когда я обхватываю двумя ладонями его член. Провожу сверху вниз по бархатистой коже, растирая влагу по всему стволу.

– Смотри на меня, – приказывает он, и я вскидываю голову, сталкиваясь с его глазами, радужка которых залита желтым.

– Это обязательно? – холодно интересуюсь я.

– Да, – выдыхает он.

– Не отпускаешь контроль даже в таких ситуациях?

Вервольф усмехается и проводит большим пальцем по моей щеке.

– Просто нравится этот ракурс.

Вот значит как?

Хочешь увидеть меня побежденной? Не дождешься!

Я сбрасываю его руку и повторяю движение – быстро, если не сказать жестко. И едва не подскакиваю, когда Доминик сжимает в кулаке мои волосы и оттягивает назад, заставляя запрокинуть голову. Не больно, но жутко неудобно: теперь мне при всем желании не отвести взгляда, разве что закрыть глаза.

– Запомни на будущее, Шарлин, – говорит он вкрадчиво, – здесь я решаю, как лучше.

– Пусти, – говорю я. – Или лысые женщины твой фетиш? Он бросает на меня злой взгляд, но хватку ослабляет. А я ускоряю темп.

То, что я делаю, делаю интуитивно, и именно Доминику сейчас придется подстраиваться под заданный мною ритм. Но тот, кто «здесь все решает» не жалуется.

Никто не говорил, как именно я должна его ласкать. И мне бы, наверное, нужно стараться закончить поскорее, но в меня будто вселился мстительный бес, потому что я то довожу его до пика, то останавливаюсь. Я не закрываю глаз, а вот веки Доминика прикрыты и подрагивают от сдерживаемого внутри напряжения. На одном движении член под моими ладонями пульсирует, а вервольф вздрагивает, издавая протяжный стон.

Который не успевает стихнуть, когда мир перед глазами переворачивается: вервольф подтягивает меня вверх. И, прежде чем успеваю слово сказать, впивается в мои губы властным поцелуем. Коротким и жестким.

Его рука сжимает мою грудь, скользит вниз по животу, а внутри меня все сжимается от напряжения. Сердце ухает вниз, потому что завершение дня станет совсем «прекрасным», если он решит продолжить, но Доминик отстраняется так же резко.

– Зачем? – выдыхаю я. Хотя все во мне продолжает подрагивать.

– Чтобы скрепить сделку.

Я должна чувствовать облегчение от того, что добилась своей цели, или наоборот, отчаяние, а, кажется, не чувствую ничего. Этот день выпил меня досуха.

Доминик выпил меня досуха.

– Сегодня я занят, – с сожалением произносит он, приводя себя в порядок. – Но мы продолжим завтра.

Я вскидываю голову.

– Завтра ко мне вернутся те головорезы.

– Об этом можешь не беспокоиться. Дай руки.

На автомате протягиваю ему ладони, и Доминик вытирает их платком. Такая забота больше напоминает издевательство, чувство такое, что меня обманули.

– И это все? – спрашиваю я, отталкивая платок. – Я могу не беспокоиться?

– Да.

– Я приеду, когда появятся какие-то новости.

– Завтра, – повторяет он, отходя к письменному столу. – Мы увидимся с тобой завтра, Шарлин.

– Катись к бесам!

Наверное, у меня окончательно сдают нервы, потому что я бросаю Экроту это в лицо и вылетаю за двери.

Наверное, он мог бы меня догнать, но не делает этого. Я сбегая по лестнице, перепрыгивая через ступеньки и выбегаю под дождь, но даже не чувствую его холодных злых капель.

Завожу мотор и благодарю того, кто придумал автоматические ворота, выпускающие меня из западни.

Меня колотит, а в пальцах до сих пор отзывается тепло кожи верфольфа.

Может, все это было зря. И нужно идти в полицию с тем видео.

Но только спустя несколько миль я понимаю, что забыла телефон в кабинете Доминика.

Глава 3

Сказать, что я ругала себя страшными словами – ничего не сказать.

Если видео из магазина можно было восстановить, то клятва альфы осталась у Экрота. Я все просрала! Потому что бежала оттуда так быстро, будто за мной волки гнались. Впрочем, сегодня грозил мне только один волк, и он как раз за мной не бросился. А заставить себя вернуться в его дом я просто не смогла. Хотя надо было! Надо было забрать телефон, но я струсила.

Позорно струсила!

Приехала домой и стояла под горячим душем, пока кожа не стала пунцовой. Вода смыла дождь и пот, но отказывалась вымывать воспоминания, как я касалась Доминика, и на что вообще согласилась.

На что, собственно?

Секс с одним вервольфом взамен безопасности своей семьи. Я давно не девочка, чтобы падать в обморок от таких условий, но сам факт, что приходится расплачиваться собой, выворачивал меня наизнанку. Это, а еще то, что приходится зависеть от Доминика.

Я рухнула на кровать и всю ночь просыпалась от того, что мне казалось, что под моими окнам воют волки. А когда все-

таки проваливалась в сон, то мне снились желтые пугающие глаза вервольфа.

Не удивительно, что на следующий день я чувствовала себя отвратительно и выглядела примерно так же: бледность еще больше подчеркивала синяки под глазами. Поэтому, когда вошла в магазин позже обычного, поймала сочувствующий взгляд Рэбел.

– Может тебе взять отпуск, Чарли? – предлагает помощница. – На недельку.

Я застываю, так и не дотянувшись до почты, которую мы складывали в коробку на стойке.

– Рэбел, ты же знаешь, сколько у нас сейчас работы. Какая неделька?

– Но у тебя личные обстоятельства. Дэнвер...

– Туда ему и дорога.

– Чарли!

Может это было неправильно, но больше всего сегодня я злилась на Дэнвера. Потому что он умудрялся доставлять мне проблемы даже с того света. Хотя нет, больше всего я злилась на себя! Потому что однажды связалась с вервольфом и решила, что у нас с ним любовь до гроба! А теперь вынуждена платить по счетам.

Я заглядываю в коробку с почтой и натыкаюсь на продолговатую коробочку, обитую черным бархатом и перевязанную алой лентой. На белоснежной карточке только мое имя.

– Что это? – интересуюсь у Рэбел. – Бомба?

- Надеюсь, что нет, – хохочет помощница.
- Жаль, бомба решила бы все мои проблемы.
- Больше похоже на подарок от поклонника.

Это заставляет меня поперхнуться воздухом, а вот подружка нетерпеливо топчется возле стойки и сверлит глазами коробочку.

– Рэбел, давай работать, – говорю я, за что получаю недовольный взгляд.

Когда же она, наконец-то отходит, я быстро стягиваю ленту с коробки. На кроваво-красном, как и лента, атласе лежит мой телефон, внутри тоже карточка, и на ней написано от руки:

Твои гарантии

У Доминика размашистый, но твердый почерк. Я отмечаю это, поспешно открывая галерею. Только наличие видео с клятвой альфы меня ничуть не успокаивает, наоборот, когда в наушниках звучит его уверенный голос, я едва не роняю телефон на пол.

Потому что это значит, что наша с ним сделка остается в силе. Обратного пути нет.

Сегодня у нас назначена встреча.

Когда и где – в послании не сказано. Эта неопределенность портит день, и лишь работа помогает избавиться от мыслей о Доминике. Я нагружаю себя так, что то и дело лов-

лю беспокойные взгляды помощницы.

– Со мной все в порядке, Рэбел.

– Не в порядке, Чарли.

– В порядке!

– Ты только что поставила «Баллады черных степей»

в раздел с медицинской литературой.

Бесы! Этой книге действительно здесь не место.

– Что тебя волнует? – спрашивает она. – Дело не только в Дэнвере?

Я могу ей рассказать, более того – хочу рассказать. Но чем меньше Рэбел и ее семья замешаны в этом, тем лучше. Сегодня, а может завтра, у меня будет информация о долге Дэнвера. Экрот подтвердит или опровергнет слова про десять миллионов, но уже сейчас лучше перестраховаться.

Этот звонок – на случай, если долг существует.

– Прим Лоран? Это Шарлин Брайс. Вы по-прежнему заинтересованы в приобретении моего магазина?

С этим типом мы впервые столкнулись год назад, когда о моем магазине написали в «Прайме», популярном журнале Крайтона о городской жизни. Его назвали культовым, ламповым и донельзя атмосферным, и это стало лучшей рекламой. К нам повалили толпы, но не только клиентов, а желающих приобрести мой бизнес. На самом деле тогда я получила десятки предложений, но услышав «нет», все тут же отставали. Прим Лоран был настойчивым: он говорил, что влюбился в магазин с первого взгляда и с завидной регулярностью

интересовался, не передумала ли я. Я, конечно же, не передумывала, потому что книги были моей отдушиной, если не смыслом жизни.

До вчерашнего дня я не собиралась с ним расставаться.

– Прима Брайс, какие хорошие новости! Мы можем обсудить все за чашкой кофе. Например, завтра за обедом. Вас устроит?

Я соглашаюсь: завтра так завтра. И ловлю напряженный взгляд Рэбел, которую от меня отвлекло появление клиентов. К счастью, она не слышит мой разговор с Лораном, иначе бы наверняка вышла из себя. Рэбел и ее семья – еще одна причина, по которой я не хочу расставаться с магазином. Продать его – значит, лишиться подругу работы.

Да и не собираюсь я его продавать! Но услышать, во сколько Лоран оценивает его сейчас, нужно.

– Не увиливай от ответа, Чарли!

Помощница подкрадывается ко мне так внезапно, что я чуть не роняю на нее толстенную книгу с описанием моды во времена первых цивилизаций. Остается только вздохнуть и ответить:

– Дело не в Дэне, это касается меня. Пока не могу ничего рассказать.

– У тебя кто-то появился?

У меня появился Доминик. Но лучше бы никогда не появлялся.

– Нет, – отвечаю поспешно. – У меня никого нет. Я слыш-

ком занята...

– Магазином, – заканчивает за меня Рэбел. – А нужно хотя бы немного заниматься собой. Найти мужчину.

Я передергиваю плечами:

– От мужчин одни проблемы.

– Не все мужики такие как Дэнвер, Чарли.

В голове почему-то снова нарисовался Экрот, который за помощь потребовал то, что потребовал. Нет, он не такой как Дэн. Он хуже!

– Покажешь хоть одного нормального, отпущу в трехнедельный отпуск.

– Три недели? – приподняла бровь Рэбел. – Ты без меня и три дня не продержишься!

Я фыркаю, но стоит помощнице отойти, снова мысленно возвращаюсь к Экроту. Доминик сказал, что мы увидимся сегодня, только я понятия не имела, как это произойдет. Поэтому воображение рисовала, что за мной присылают большую черную машину, в которую меня запихивают вервольфы и везут куда-то без объяснений. Хотя вероятнее всего, он просто позвонит и скажет, куда я должна приехать.

Вторая половина дня пролетает быстрее, чем мне хотелось бы. Заказываю новую тревожную кнопку, договариваюсь с поставщиками, переносу попугая в подсобку, потому что он называет всех посетителей червяками. Рэбел от меня отстанет, зато мама активизируется, и снова приходится уверять, что со мной все просто отлично. В итоге я сама начинаю в это

верить, поэтому, когда отпускаю помощницу домой и остаюсь в магазине одна, даже больше не вздрагиваю от шорохов и не вскидываю голову всякий раз, как звонит колокольчик, сообщающий о новом покупателе. Сегодня их было особенно много.

– Помню, ты хотела писать свои книги, а не продавать чужие.

Хорошо, вздрагиваю. Даже подпрыгиваю, оступаюсь и едва не падаю с лестницы. Доминик перехватывает меня раньше, чем я успеваю набить себе шишку, и ставит на пол. Но не отпускает, продолжая удерживать в кольце своих рук.

А моего спокойствия, как не было, потому что воспоминания о вчерашнем захлестывают целиком. В магазине больше книжных стеллажей, чем свободного пространства, но Экрот умудряется занять его целиком. Своей аурой. Своей силой.

Его слишком много для меня.

– Тебе не плевать, чего я хотела?

Я сбрасываю его руки и отшатываюсь назад, чтобы тут же оказаться впечатанной в шкаф мощным телом Доминика. С вскинутыми вверх руками и надежно зафиксированными запястьями.

– Неправильный ответ, Шарлин, – почти рычит он. – Пока мы с тобой деловые партнеры, мне интересно все, что касается тебя.

Поза более чем неудобная: Доминик слишком близко от меня, но я не могу даже пошевелиться. Только говорить. И

здравый смысл так не в тему подсказывает, что если я его пошлю, лучше не станет.

– Моя личная жизнь не касается нашей сделки.

Сегодня он одет более официально: в темно-серый костюм, светлую рубашку и синий галстук с серебристой вязью. Но под налетом классической сдержанности даже не пытается скрываться зверь: я вижу блеск в его взгляде и чувствую себя так, будто на мне нет одежды. Будто я полностью раскрыта перед ним.

– Что это? – хмурится он, сосредотачиваясь на моем предплечье. И я вспоминаю, что там красуется отпечаток ладони вервольфа, что раздавил мою тревожную кнопку. Но Доминику об этом знать не обязательно: он же тоже хватал меня за руку.

– Кто-то вчера перестарался, – говорю я.

– А у тебя нежная кожа, – он поглаживает большим пальцем синяк на запястье – неожиданно нежно, и резко отпускает меня. – Я запомню.

Я отступаю на несколько шагов, пока не чувствую себя в относительной безопасности и только после интересуюсь:

– Зачем ты здесь?

– Если я скажу, что сильно соскучился, поверишь?

Я складываю руки на груди и качаю головой, и взгляд Доминика мгновенно становится жестким.

– Выполняю свою часть сделки, Шарлин. Сначала я, потом – ты.

Я цепляюсь за его первое предложение и пока стараюсь игнорировать второе. Как и не желающий замедляться в присутствии Экрота пульс.

– Тебе удалось что-то узнать?

– Видео, которое ты сохранила, ускорило процесс. – Доминик переходит на деловой тон так естественно, будто не он только что зажимал у меня книжных полок. Достает свой смартфон и показывает фото вервольфа, угрожавшего мне. – Твоего визитера зовут Мэверик Халли. Уроженец Пирайских пустошей. Двадцать девять лет. Уже подростком грабил магазины, занимался рэкетом, состоял в вервольфских бандах, пока не создал свою.

Информация от Доминика более чем исчерпывающая, и вряд ли что-то подобное я смогла бы найти сама. Тем более так быстро.

– Ты узнал, кто его альфа?

– У него нет альфы.

– Как – нет?!

Последнее просто не укладывается в голове. О том, что вервольфы могут существовать вне стаи, как Дэн, мне известно, но этот Халли точно сказал: «Мой альфа».

– Он сказал, что Дэнвер должен его альфе.

Доминик опирается плечом о книжный шкаф и лениво рассматривает магазин.

– Альфой может стать любой сильный и достаточно самоуверенный вервольф.

– Как ты? – не удерживаюсь от шпильки.

– Как я, – кивает он. – Можно бросить вызов альфе своей стае, честно выиграть поединок и занять его место официально со всеми привилегиями, а можно – провозгласить себя альфой, окружить себя изгоями и каждый день принимать нападки от таких же зарвавшихся вервольфов. Как ты понимаешь, ни о какой официальности здесь речи не идет, а бои за сомнительный титул ведутся до самой смерти.

Меня всю передергивает, но Экрот не закончил.

– Подобная стая – всего лишь шайка бандитов.

– Шайка бандитов, для которых десять миллионов – пустяк?

– Не пустяк, но любой уважающий себя альфа – настоящий альфа – не станет давать в долг такие суммы без гарантий даже родственникам, и тем более – угрожать вдове. Для теневых альф – это норма жизни. Угрозы, вымогательство, насилие. Ты правильно сделала, что сразу пришла ко мне.

Я прищуриваюсь: если Доминик думает, что стану бросаться ему в ноги и слезно благодарить, то ошибается. Можно подумать, он сам белый и пушистый.

– Откуда у тебя эта информация? – интересуюсь.

– Из надежного источника, которому можно доверять.

– То есть альфа Халли может быть кем угодно?

– Да, – кивает Доминик. – И я здесь для того, чтобы спросить, кто он.

Задать новый вопрос я не успеваю: снова оживает коло-

кольчик на входе, и мне приходится отвлечься на нашу постоянную клиентку. Пока собираю ее заказ, упаковываю книги и пробиваю чек, слежу за Домиником. Он легко отталкивается от стеллажа и бродит между шкафов, рассматривая корешки. Стоит мне попрощаться с покупательницей, в магазин заглядывают две девушки, которые ищут подарок для своего отца. Приходится узнавать, какие книги он любит, и в какую сумму они планируют уложиться. В какой-то момент я теряю вервольфа из вида, но потом нахожу его, устроившимся в кресле с томиком по истории.

– И что теперь со всем этим делать? – спрашиваю, когда дверь за девушками закрывается.

Доминик отрывается от чтения и вздергивает бровь.

– С бандой Халли, – уточняю я, подходя ближе и останавливаясь рядом с креслом.

– Тебе – ничего. С ними буду говорить я.

– И они так просто тебе ответят? Вчера они приходили сюда впятером.

Вервольф прищуривается.

– Тебя волнует, справлюсь ли я с ними?

– Меня волнует исключительно безопасность моей семьи.

Экрот оказывается на ногах раньше, чем я успеваю моргнуть.

– Будь ты членом моей стаи, Шарлин, то понесла бы наказание за подобное оскорбление. – Его тон спокойный, но по моей коже пробегает холодок и хочется обхватить себя

руками, чтобы немного согреться. – Но я сделаю скидку на то, что ты человек. В силе и клятве альфы не сомневаются.

Он не касается меня, только смотрит, но мне начинает не хватать воздуха в легких, будто Доминик перекрыл мне кислород. Внутри все дрожит от напряжения, но я все равно нахожу в себе силы ответить:

– Хорошо, что я не член твоей стаи.

Экрот темнеет лицом, а его глаза вспыхивают желтым.

– Ты моя, Шарлин. Поэтому воздержись от подобных высказываний. Как и от вмешательства в мужской разговор.

Ответить я не успеваю и чуть ли не рычу от досады, когда раздается звон колокольчика, только повернувшись к дверям, холодею.

Халли и остальные «мальчики» наконец-то пришли за долгом.

– Привет, Шарли, – выступает вперед Мэверик и скалит зубы: – Вижу, сегодняшний вечер не такой прекрасный. Ты не одна.

Я открываю рот... И тут же закрываю, натолкнувшись на предупреждающий взгляд Доминика.

Мужской разговор.

Волчий разговор.

Бесы его заberi!

Он выступает вперед, и теперь я не могу видеть его лицо, но зато вижу, как исчезает улыбка Халли, как напрягаются и отступают вервольфы. Воздух вокруг наэлектризован так,

что волосы становятся дыбом.

– Альфа, – цедит Мэверик.

– Доминик Экрот.

Он не протягивает руки, не двигается вовсе, вервольфы будто застывают, каждый на своем месте.

– Я знаю, кто ты. Ты – альфа, но не мой.

– Это не дает тебе право нарушать закон. Это моя территория и моя женщина.

Халли бросает на меня злой взгляд, но делает это исподтишка. Насколько самоуверенный он был вчера и насколько разительно отличается сегодня: даже голову в плечи втянул.

– Вчера она не упоминала твоего имени. Но если ты отвечаешь за нее, значит, тебе выплачивать ее долг.

– И кому я должен?

– Кампале. Альфе Северного округа.

– Впервые слышу о таком.

Халли перекашивает от подобного заявления, но он быстро справляется со своей яростью.

– Странно, потому что о нем говорит весь Крайтон. Он владелец Волчьих боев.

Волчьи бои!

В которых участвовал Дэн.

Надо расспросить этого Мэверика про них! Я даже делаю шаг вперед, но Доминик неожиданно кладет руку на мою талию и притягивает к себе. Нет, не просто притягивает! Его ладонь тут же скользит ниже – на мои ягодицы, и только

важность переговоров не позволяет мне вывернуться из его хватки.

– Я отдам долг, если твой альфа предоставит доказательства того, что Дэнвер Брайс действительно его должник.

Халли кивнул.

– Я передам твои слова альфе и принесу доказательства.

– С твоим альфой я буду общаться лично.

– Это невозможно. Он не любит публичность.

– Для меня сделает исключение.

Вскинув голову, я вижу только профиль Доминика, но этого достаточно, чтобы заметить блеск в глазах вервольфа. Один взгляд – и Халли едва не пригибается к полу. А потом, пожелав хорошего вечера альфе и его женщине, спешно покидает мой магазин, забирая с собой своих головорезов.

Только когда колокольчик возвещает о том, что мы снова одни, я осознаю, что меня трясет, а еще что ладонь Доминика по-прежнему на моей заднице.

– Для меня это слишком, – говорю, отталкивая его. – Эти бандиты! Угрозы. Самопровозглашенные альфы... И я не твоя женщина.

Его будто все это не волнует, потому что Экрот спокоен, словно только что не головорезам условия выставлял, а читал интересную книжку.

– На время сделки – моя. Тем более что такой статус дает тебе больше возможностей.

В задницу такие возможности!

– Как ты собираешься обеспечить безопасность моих близких? – Это все, что меня интересует.

– Приставлю к ним своих вервольфов. На время, пока Кампала не выйдет из тени. Или же пока не признает, что никакого долга не существует.

– А если этот долг все-таки существует?

– Значит, я его выплачу.

– И буду должна тебе?! Благодарю, – ядом в моей фразе, наверное, можно отравиться, – но я еще прошлый долг не отдала. Я сама...

– Твоя самостоятельность закончилась, когда ты пришла ко мне, Шарлин, – Доминик протягивает мне руку, черты лица заостряются, напоминая о его хищной природе. – Пойдем. Обсудим твой долг за ужином.

Я сжала кулаки, но погасила поднимающееся внутри раздражение и первый порыв отказаться. Тем более что нам с Домиником есть, что обсудить, и ужин для этого действительно подойдет.

– Я закрою магазин, – проигнорировав его ладонь, ту самую, что недавно лапала меня, я иду к стойке. Под пристальным взглядом вервольфа закрываю кассу, пишу записку для Рэбел и только после, накинув куртку на плечи, возвращаюсь к нему.

Доминик никак не комментирует то, что ему приходится ждать, но стоит мне с ним поравняться, перехватывает меня за талию, на мгновение прижимая к себе и заставляя задох-

нуться от неожиданности.

– Продолжай провоцировать меня, Шарлин. Это очень заводит.

Вот бесы! Заводить его совсем не входило в мои планы. Хотя я прекрасно понимала, что в дальнейшем мы с ним собираемся не в шахматы играть, но и форсировать выплату своего долга не планировала.

Поэтому я заставила себя стоять смирно и предпочла рассматривать узор на его галстуке.

– Ты что-то говорил про ужин.

– Да, – с сожалением произносит он. – Сначала ужин и разговоры.

Доминику приходится подождать еще немного, пока я выключу вывеску и включу сигнализацию, но на этот раз я делаю все быстро. И даже слова не говорю, когда водитель в форменном костюме открывает перед нами двери черного лимузина. Внутри просторно, сиденья из молочной кожи и приглушенный свет.

Внутри роскошно, но эта роскошь будто сдавливает меня со всех сторон, не позволяя расслабиться. Для такой машины больше подошло бы вечернее платье, но на мне любимые серые джинсы, вязаный свитер и кроссовки. Поэтому в своей обычной и комфортной одежде я чувствую себя нелепо. А может все дело в мужчине на соседнем сиденье? Всякий раз, как мы остаемся наедине, он будто обнажает мои нервы, заставляя быть начеку.

– Думала, ты предпочитаешь все контролировать, – я кивнула на затемненную перегородку, которую водитель поднял, стоило машине тронуться с места.

– Правда. Но у меня есть водитель для таких случаев, как этот.

– Как этот?

– Когда не хочется терять ни минуты. Сними куртку и иди ко мне.

Я поперхнулась воздухом, поэтому голос прозвучал сдавленно:

– А как же ужин?

– У нас до него минут двадцать-тридцать. Как повезет с пробками.

Город в такое время стоит, поэтому я облизала пересохшие от волнения губы и медленно придвинулась к бедру Доминика. Я наивно полагала, что у меня будет передышка, но нужно наконец-то усвоить, что последовательность и Экрот – вещи несовместимые.

– Садись на мои колени, Шарлин, – приказывает он. – Боксом.

– Мы еще ничего не обсудили, – напоминаю я.

– Обсудим за ужином. А это... считай авансом.

То есть вчера был не аванс?!

Сжав зубы и памятуя о том, что провокация только сильнее его возбуждает, я делаю то, что он говорит. В отличие от мягкого сиденья Доминик словно выточен из камня. Нагре-

того на летнем солнце камня, потому что жар его тела передается даже через одежду. Теперь мы лицом друг к другу, и его ладонь гладит меня по спине. К счастью, пока только по спине.

– Распусти волосы, – новый приказ, и я стягиваю резинку с хвоста. – Так лучше.

Он зарывается пальцами в мои волосы. Я сосредотачиваюсь на его галстуке, только чтобы не смотреть в глаза Доминику. Я получила то, что хотела – он обеспечивает защиту моим близким, теперь мне нужно просто потерпеть.

Переступить через это и идти дальше.

Но я все равно вздрагиваю, когда он ныряет ладонью под свитер и сдавливая сосок через тонкую ткань бюстгальтера. Получается неожиданно остро, и я будто деревенею в объятиях Доминика. Но он не повторяется: мягко поглаживает мой живот, скользит вниз по бедрам, стягивает с меня кроссовки, отбрасывая их в сторону.

– Скажи, что тебе нравится, Шарлин.

– Нравится? – Я с радостью отвлекаюсь на разговор, в то время как Доминик поглаживает мои ступни.

– В сексе. Что ты любишь?

Это был бы нормальный вопрос, если бы обстоятельства нашего «свидания».

– Это неважно.

Для меня это действительно не имеет значения. Я готова выполнять часть своей сделки, стонать под ним, кричать под

ним если потребуется, но я не здесь не по собственной воле.

– То есть ты готова вытерпеть все, что я захочу с тобой сделать? И все ради безопасности своих родителей? – В голос Доминика добавляются рычащие ноты. Злится? С чего бы? Я же послушная.

– Да.

Вервольф резко разворачивает меня к себе спиной и откидывается на сиденье, так что оказываюсь полулежащей на нем. Распластанной по его большому, сильному телу. Не видящей его, но чувствующей всего и полностью. От горячего дыхания, скользящего по затылку, меня бросает из жара в холод и обратно.

Проверка?

Я дергаюсь, когда он расстегивает ширинку на моих джинсах, но тут же заставляю себя лежать спокойно, только вонзаю ногти в ладони и пытаюсь дышать глубоко.

Хочется ему меня лапать? Имеет право.

Одной ладонью он скользит мне в трусики, а второй забирается под свитер, сжимая грудь. Дыхание сбивается, с моих губ срывается вздох, за который я готова сожрать себя с потрохами. А вот рычание вервольфа подо мной теперь можно определить как довольное.

Мне приходится сдерживаться, чтобы не пытаться сдвинуть колени или, что еще хуже – прогнуться в пояснице, подаваясь вперед, когда Доминик без труда находит заветную точку на моем теле. Я до боли прикусываю губу, когда он

повторяет движение и одновременно с этим щипает сосок. Заставляю себя смотреть в потолок, маячащий над головой. Потому что, если закрою глаза, станет только хуже.

У меня слишком давно не было секса. Только так можно объяснить, что от действий Доминика меня ведет. Физиология, чтоб ее бесы побрали!

– Не сдерживай себя, Шарлин, – шепчет этот... деловой партнер. – Я же знаю, что тебе сейчас очень хорошо. Я чувствую это по твоему изменившемуся аромату.

– Тебе не кажется, – говорю быстро, хотя мой голос выдает меня с головой, – что в твоих условиях было, что я должна стонать под тобой, а не над?

Его тихий смех ударяет по нервам, а я почти готова сдать-ся, потому что мое тело горит. Еще несколько движений, и я у черты. И плевать, что подвел меня к ней Экрот!

Плевать на все.

Все прекращается быстрее, чем начиналось: Доминик убирает руки и просто пересаживает меня с колен на соседнее сидение. Возбужденную. Неудовлетворенную. Ничего не понимающую. С горящими щеками и беспорядком в одежде.

А вот Доминик холоден и спокоен, будто не он только что откровенно касался меня.

– В следующий раз так и будет, – обещает он. – Мы приехали.

Что?

Только сейчас до меня доходит, что лимузин больше не

движется. Как давно?

Хотя какая разница, если можно сбежать отсюда!

Из места, где я только что... Только что...

Хочется надавать себе по пылающим щекам! Не за то, что я позволила ему. За то, что позволила себе!

Я спешно поправляю одежду: застегиваю молнию, одергиваю свитер и ищу второй кроссовок, улетевший в противоположную сторону. В последний момент хватаюсь за резинку для волос, но Доминик перехватывает мою руку и качает головой.

Ладно, пусть будет по-твоему!

Экрот выходит из машины и подает мне руку, а я, оказавшись на тротуаре, застываю. Потому что мы стоим перед входом в отель «Кингтон». Белоснежное здание в двенадцать этажей, занимающее весь квартал и сияющее сотней огней, мраморные колонны и тяжелые крайтонские флаги, изображающие солнце и луну. Утонченная классика и внимание к деталям. Но жемчужина «Кингтона» – ресторан «Фавель», в который я мечтала попасть со времен студенчества. В те годы я могла позволить себе здесь разве что чай, а после не видела смысла спускать целое состояние на ужин, каким бы божественным он ни оказался. Но Дэнвер считал иначе.

Мы с мужем ужинали в «Фавеле» в ту ночь, когда отмечали его успех.

Когда я еще верила, что у нас все получится.

Воспоминания об этом мгновенно накрывают меня горе-

чью.

– Что-то не так? – Голос Доминика выдергивает меня в реальность. – Не нравится место?

– Главное, чтобы тебе нравилось, – пожимаю я плечами.

Мне действительно все равно. У воспоминаний о Дэне есть плюс – возбуждение, что сжигало меня в лимузине, развешивается, и я больше не хочу секса. Не хочу Доминика. Не хочу этого ужина.

Экрот сжимает губы и направляется в «Кингтон», а мне приходится подстраиваться под его широкий шаг. Внутри отель именно такой, как в моих воспоминаниях. Красивый, белоснежный, утонченный. С небольшим фонтаном в центре холла, с темно-синими с серебром ковровыми дорожками и широкими, изогнутыми диванами. И вышколенным персоналом.

В прошлый раз мой визит сюда я надела новое платье и черные лодочки, сделала прическу и вечерний макияж, поэтому чувствовала себя блистательной и счастливой. Я была счастлива. Сейчас же ловлю собственное отражение в большом зеркале и понимаю, что мой вид не спасет даже расческа, и до счастья мне далеко.

– Не уверена, что меня пропустят в таком виде, – делюсь я своими мыслями с Домиником.

– Со мной пропустят.

Действительно все перед ним расступаются, кивают или улыбаются, а вот по мне скользят заинтересованными взгля-

дами мужчины, и изучающе-непонимающими женщины. Я же расправляю плечи и иду вперед, замираюсь только однажды, когда мы сворачиваем не в сторону «Фавеля», а к лифтам. Но быстро справляюсь с удивлением. Лифт привозит нас на верхний этаж, на котором лишь одна дверь и один номер – королевский люкс. Я знаю об этом, потому что видела рекламные фото на страницах «Прайма». Но реальность превосходит все ожидания: одна только гостиная номера больше спортивного зала, не считая распахнутых дверей в остальные комнаты. В номере тоже все белое с синим и серебром, начиная от диванов и заканчивая стенами.

Мой взгляд притягивает огромный камин – настоящий, с танцующим в нем пламенем, накрытый на двоих столик и застывший рядом с ним официант.

– Здесь нам никто не помешает, – отвечает Доминик на мой вопросительный взгляд.

Бесы! Снова без передышек.

Экрот помогает мне разместиться за столом, но когда официант хочет вручить мне меню, говорит:

– Не нужно. Я сделаю выбор сам.

Вот ведь... Мстительное животное!

Ладно. Я не уверена, что вообще смогу что-то съесть.

Впрочем, когда Доминик делает заказ, и приносят закуски, я уже не так уверена в том, что не смогу. Небольшие тосты с паштетом, мясное ассорти и ягоды к нему выглядят словно произведение искусства, но мне снова не позволяют

сделать выбор: кладут на мою тарелку только то, на что указывает Экрот.

– Не боишься, что у меня может быть пищевая аллергия?

– Нужно было раньше об этом думать, Шарлин, – спокойно отвечает он, салютуя бокалом с вином. Которое, конечно же, тоже выбрал он.

Я пробую мясо, чтобы не ткнуть вилкой в своего «спасителя», и понимаю, что на самом деле голодна. Поэтому позволяю себе насладиться кусочком, наплевав на нервы и вервольфа рядом.

– Ты говорил, что мы обсудим условия выплаты моего долга.

– Говорил.

– И?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.